

Тухватулин Тамерлан

Жизнь с любовью| 90 глав

<https://litres.ru/74373608>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире где любовь все решает, вы заводите семью, и вам очень хорошо с вашей девушкой.

Книга вымышленная и не нарушает авторские права.

Приключения.

Содержание

Глава	5
Глава 2 <первый поцелуй>	11
Глава 3 <первая семья>	15
Глава 4 <первый ребенок спустя 2 года после свадьбы>	18
Глава 5 <имя ребенка>	24
Глава 6 <тихий стон>	29
Глава 7 <первые шаги элары>	34
Глава 8 <Элара идёт в садик>	40
Глава 9 <пушистый хвост kiladosha>	48
Глава 10 <первое мурлыканье Элары>	52
Глава 11 <уход на фронт>	57
Глава 12 <первый страз перед смертью>	63
Глава 13 <захват грозного и смерть президента чечни>	69
Глава 14 <страшный сон>	76
Глава 15 <обида>	83
Глава 16 <порезы на запястье у kiladosha>	92
	93
Глава 17 <защита для Элары>	101
Глава 18 <день рождения у Элары>	109
Глава 19 <первая школа для Элары>	117
Глава 20 <Черная машина>	122

Глава 21 <поездка в Сочи>	130
Глава 22 <милая мордочка Элары>	141
Глава 23 <первый друг Элары>	151
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Жизнь с любовью| 90 глав

Глава

Чем прежде читать прочитайте пожалуйста информацию! Книга вымышленная и не основано на реальных событиях. Возрастные ограничения: 14+ Категория: фэнтези, романтика,

Глава 1 <поездка в Армению>

Глава 1. Поездка в Армению Самолёт мягко коснулся взлётнопосадочной полосы, и я наконецто выдохнул. Всё это время я сжимал подлокотники так, будто от этого зависела моя жизнь. Полёт казался бесконечным: сначала тревога перед вылетом, потом эти долгие часы в небе, когда ты будто зависишь между прошлым и будущим, не принадлежа ни тому, ни другому. А теперь — Ереван. Я выглянул в иллюминатор: город лежал внизу, словно старинная мозаика, собранная из тёплых камней и солнечных лучей. Дома будто были выточены из самого света — бежевые, охристые, золотистые. Горы вдалеке казались нереальными, будто нарисованными на фоне неба. Я вдруг почувствовал, как внутри что-то дрогнуло — не страх, не тревога, а что-то похожее на предвкушение. Будто мир наконецто решил показать мне себя без масок. Пас-

портный контроль, получение багажа, выход в зал прилёта — всё это пронеслось как в тумане. Я шёл по залу, оглядываясь по сторонам, пытаюсь поймать хоть один знакомый оттенок, хоть одну деталь, которая помогла бы мне почувствовать себя здесь своим. Но всё было новым, незнакомым, и от этого одновременно и страшно, и захватывающе. На улице пахло горячим хлебом, специями и чемто ещё — тем особенным, что бывает только в старых городах: пылью, солнцем, историей. Я вдохнул этот запах полной грудью и улыбнулся, сам не зная почему. Просто вдруг стало казаться, что здесь, в этом городе, всё может быть по-другому. Что старые раны могут хоть немного затянуться, а тишина перестанет давить на уши. Я взял такси — старенький, но ухоженный автомобиль, в котором пахло кофе и кожей. Водитель, улыбчивый мужчина с добрыми глазами, сразу начал рассказывать про город, про то, куда стоит сходить, где попробовать настоящий лаваш, где посидеть в тени платанов и просто послушать, как город дышит. Я кивал, ловил каждое слово, старался запомнить названия улиц, имена площадей, имена людей, которых он упоминал. Мы ехали по широким проспектам, мимо старинных домов и современных зданий, мимо фонтанов и скверов, где дети бегали между деревьями, а старики сидели на скамейках и тихо разговаривали. Город жил своей жизнью, неторопливой, размеренной, но в то же время полной энергии. И я вдруг понял, что хочу стать частью этой жизни хотя бы на несколько дней. Хочу почувствовать, что я здесь

не чужой. Водитель высадил меня недалеко от центра, возле небольшого сквера, где на скамейке сидела девушка в лёгкой куртке и читала книгу. Она подняла глаза, улыбнулась мне и кивнула, будто мы были старыми знакомыми. Этот простой жест — кивок, улыбка — вдруг согрел меня изнутри. Я даже остановился на секунду, чтобы запомнить это ощущение: будто мир не такой уж враждебный, каким он казался последние месяцы. Я побрёл дальше, разглядывая витрины, вывески, лица прохожих. Ереван был городом, где каждый камень, казалось, хранил свою историю, а каждый человек был частью этой истории. Здесь не было суеты больших мегаполисов, здесь время текло иначе — медленнее, глубже, будто приглашая остановиться и прислушаться к себе. И вот тогда я её увидел. Она стояла возле небольшого кафе, прислонившись к стене, и смотрела кудато вдаль, будто ждала кого-то или что-то. В ней было что-то особенное — не просто красота, а какая-то внутренняя сила, уверенность, смешанная с лёгкой небрежностью. Её волосы развевались на ветру, а в глазах читалась целая вселенная — с тайнами, мечтами и, возможно, своими собственными ранами. Это была Kiladosha. Я замер на мгновение, не зная, что делать: подойти, поздороваться, просто пройти мимо? Сердце колотилось где-то в горле, а ладони стали влажными. Я столько раз представлял себе моменты, когда смогу заговорить с кем-то новым, но каждый раз страх брал верх. А сейчас... сейчас что-то внутри подталкивало меня вперёд. Kiladosha замети-

ла меня. Её взгляд скользнул по мне, задержался на секунду, а потом она улыбнулась — той самой улыбкой, которая способна растопить любой лёд. — Привет, парень, — сказала она, отталкиваясь от стены и делая шаг навстречу. — Может, познакомимся? Её голос звучал так, будто она знала что-то, чего не знал я, — что-то хорошее, светлое, то, что могло всё изменить. Я стоял, не в силах вымолвить ни слова. Мысли путались, слова застревали где-то посередине между сердцем и горлом. Но потом я глубоко вдохнул, постарался унять дрожь в руках и ответил: — Да... да, конечно. Я... я только приехал. В Ереван. Впервые. Kiladosha кивнула, будто это всё объясняло. — Тогда тебе точно нужно показать город, — сказала она с лёгкой усмешкой. — Тут столько всего, что глаза разбегаются. Ты любишь горы? А старинные церкви? А просто сидеть на набережной и смотреть, как солнце садится за холмы? Я улыбнулся — впервые за долгое время искренне, без напряжения. — Думаю, я всё это полюблю, — ответил я. — Если кто-то покажет. Kiladosha рассмеялась — звонко, легко, так, что прохожие оборачивались и улыбались в ответ. — Ну, тогда тебе повезло, — сказала она. — Потому что я знаю этот город как свои пять пальцев. И, честно говоря, мне как раз не хватало когото, кому можно всё это показать. Мы пошли по улице, болтая о пустяках: о том, какой кофе лучше пить в Ереване, о том, какие улицы самые красивые на закате, о том, как пахнет город после дождя. С каждым шагом я чувствовал, как напряжение уходит, уступая

место чемуто новому — любопытству, лёгкости, возможно, даже надежде. Ереван раскрывался передо мной, как старинная книга с пожелтевшими страницами: каждая улица, каждый дом, каждый взгляд прохожих был новой главой, новой историей. И теперь у этой истории был ещё один герой — Kiladosha, которая шла рядом и рассказывала мне о городе так, будто хотела подарить его целиком, со всеми его тайнами и чудесами. Мы дошли до небольшой площади, где играл уличный музыкант. Он выводил на дудуке мелодию, от которой хотелось плакать и смеяться одновременно — такую глубокую, такую настоящую. Мы остановились, слушая, как звуки плывут над городом, смешиваясь с шумом машин, голосами людей, шелестом листьев. Kiladosha посмотрела на меня и тихо сказала: — Знаешь, Ереван умеет зализывать раны. Не сразу, не волшебным образом, а потихоньку, день за днём. Он просто напоминает, что жизнь — это не только боль. Это ещё и солнце, и музыка, и разговоры на площадях, и люди, которые готовы просто побыть рядом. Я не знал, что ответить. Слова казались слишком маленькими для того, что я чувствовал. Поэтому я просто кивнул и улыбнулся. И в этот момент понял, что, возможно, впервые за долгое время мне не хочется никуда убегать. Хочется остаться здесь, в этом городе, с этой девушкой, и просто слушать, как поёт дудук, и смотреть, как садится солнце. Так началась моя история в Ереване. История, в которой было место не только воспоминаниям о боли, но и новым встречам, новым надеж-

дам, новым мечтам. История, которая только начиналась — и я был готов прожить её до конца.

Глава 2 <первый поцелуй>

Глава 2. Первый поцелуй
После той встречи в Ереване дни потекли странно — будто мир стал ярче, а обычные вещи вдруг наполнились смыслом. Я всё время ловил себя на том, что вспоминаю голос Kiladosha, её лёгкую улыбку, ту самую фразу: «Привет, парень, может, познакомимся?» Казалось, будто с того момента всё во мне переменялось, и теперь каждый шаг вёл к чему-то важному. Мы стали гулять по городу почти каждый день. Kiladosha знала Ереван так, будто он был её собственным секретным лабиринтом: она водила меня по узким улочкам, где тени ложились на камни причудливыми узорами, показывала дворики, в которых цвели розы, и рассказывала истории про старые дома — будто каждый кирпич помнил чьи-то мечты и слёзы. Я слушал, почти не дыша, боясь пропустить хоть слово. В тот вечер мы поднялись на холм, откуда открывался вид на весь город. Солнце садилось медленно, будто не хотело уходить, и небо переливалось оттенками от тёплого янтаря до глубокого фиолетового. Внизу зажигались огни, и Ереван становился похож на россыпь звёзд, упавших на землю. Мы сели на каменную скамью, и какое-то время просто молчали, слушая, как город шепчет свои вечерние тайны. Kiladosha вдруг тихо рассмеялась, глядя куда-то вдаль. — Знаешь, тут всегда так спокой-

но, когда солнце садится, — сказала она, чуть наклонив голову. — Будто весь шум остаётся где-то внизу, а здесь, наверху, можно услышать себя. Я кивнул, хотя на самом деле слышал не себя, а бешеный стук своего сердца. Слова будто застряли в горле, и я боялся, что если заговорю, голос дрогнет. Kiladosha повернулась ко мне, и в её глазах отражались последние лучи заката — золотые, тёплые, живые. — Ты сегодня какой-то тихий, — мягко заметила она. — Всё в порядке? Я хотел сказать что-то обычное, что-то простое, вроде «да, всё хорошо», но вместо этого вдруг признался: — Просто... мне кажется, что этот момент должен длиться вечно. Она улыбнулась — не широко, а так, будто поняла что-то очень важное. И тогда она чуть подвинулась ближе. Не резко, не настойчиво, а осторожно, словно проверяя, не спугну ли я этот миг. Её плечо едва касалось моего, и от этого лёгкого прикосновения по коже пробежали мурашки. Ветер стал тише, будто даже он решил не мешать. Где-то далеко звенел колокольчик, может быть, с шеи чьей-то лошади, а где-то смеялись люди, но всё это звучало будто сквозь вату — отдалённо, не по-настоящему. Настоящим был только этот холм, этот закат и Kiladosha рядом. Она посмотрела на меня, и в этом взгляде было столько тепла, что мне показалось, будто я наконец-то согрелся после долгого холода. — Знаешь, — прошептала она, — иногда самые важные вещи случаются в тишине. И прежде чем я успел что-то ответить, она медленно подняла руку и осторожно коснулась моей щеки

— так легко, будто боялась нарушить хрупкость момента. Её пальцы были тёплыми, и этот простой жест вдруг сказал мне больше, чем любые слова. Время будто остановилось. Я видел каждую ресничку, каждый отблеск в её глазах, чувствовал, как воздух между нами становится гуще от напряжения и нежности. Kiladosha чуть наклонилась вперёд, и я замер, не смея пошевелиться, словно боялся спугнуть это волшебство. Её губы коснулись моих — нежно, едва ощутимо, как первый лепесток, упавший на ладонь. Это был не поцелуй, а обещание: тихий, осторожный, будто она спрашивала разрешения остаться. И в эту секунду весь мой мир сузился до этого прикосновения — до тепла её губ, до лёгкого дыхания, смешивающегося с моим, до чувства, которое было одновременно пугающим и невероятно правильным. Когда она чуть отстранилась, её глаза на мгновение стали серьёзными, будто она проверяла, не сделала ли чего-то не так. Но потом на её лице снова расцвела улыбка — тёплая, искренняя, только для меня. — Прости, если это было слишком, — тихо сказала она, опуская взгляд. — Просто... я хотела, чтобы ты знал, что ты не один. Слова застряли у меня в горле. Вместо них я просто накрыл её руку своей и сжал чуть крепче, чем обычно, будто пытаюсь передать всё, что не мог сказать вслух. — Это было... — я запнулся, подбирая слово, которое могло бы вместить в себя всю бурю чувств внутри. — Это было самое настоящее. Она снова улыбнулась, и на этот раз в её улыбке было столько света, что казалось, будто закат теперь

живёт в её глазах. Мы снова повернулись к городу, и он уже не казался таким далёким и чужим. Теперь он был нашим — нашим холмом, нашим закатом, нашим моментом. С того вечера всё изменилось. Не сразу, не громко, а тихо, по чуть-чуть: в каждом взгляде, в каждом случайном касании, в паузах между словами, которые теперь не были пустыми. И каждый раз, вспоминая тот первый поцелуй, я понимал: иногда самое сильное чувство начинается с одного лёгкого прикосновения — и с того, что кто-то просто захотел сказать тебе: «Ты не один».

Глава 3 <первая семья>

Всё началось с мелочи. С того, что Kiladosha вдруг остановилась посреди улицы и сказала:— Знаешь, я хочу, чтобы у нас было что-то своё. Не просто «мы вместе», а чтобы это было как обещание. Навсегда. Я тогда даже не сразу понял, о чём она. Просто стоял, смотрел на неё и думал, как странно: солнце светит как обычно, машины едут, люди спешат, а для меня в эту секунду будто всё остановилось. Она улыбнулась, чуть наклонив голову, и добавила:— Давай поженимся. Не ради кого-то, не ради красивых слов. А ради нас. Чтобы каждый день мы могли говорить: «Мы выбрали друг друга. Снова и снова». И я не стал думать, не стал искать причины, почему это странно или слишком быстро. Я просто кивнул и сказал:— Да. Давай. Мы не стали устраивать пышную церемонию. В Kit Community вообще не принято делать из важных вещей шоу. Здесь ценят тишину, в которой слышно главное. Поэтому мы выбрали место, которое уже стало нашим: маленький дворик за старой библиотекой, где росли кусты жасмина, а в углу стоял фонарь, который всегда мигал, будто подмигивал. Kiladosha надела простое платье цвета утреннего неба, а я надел рубашку, которую она когда-то подарила мне и сказала: «В ней ты выглядишь как человек, который знает, куда идёт». И я вдруг понял: да, теперь я знаю. Я иду туда, где она. Церемония была

короткой. Никаких длинных речей, никаких клятв, которые звучат как из книги. Всё было по-нашему. Мы просто стояли друг напротив друга, держались за руки, и Kiladosha сказала:— Я обещаю быть рядом, когда тебе будет страшно. Обещаю напоминать тебе, какой ты сильный, даже если ты сам забудешь. Обещаю слушать тебя, даже когда ты молчишь. А я ответил:— Я обещаю защищать тебя не кулаками, а тем, что не дам миру забрать твой свет. Обещаю замечать мелочи: как ты морщишь нос, когда думаешь, как прячешь руки в рукава, когда волнуешься. Обещаю, что ты всегда будешь знать: ты дома. Где бы мы ни были. И когда мы сказали эти слова, всё вокруг будто стало тише. Даже город, который никогда не спит, на мгновение замер. А потом она шагнула ко мне. И поцеловала. Не резко, не отчаянно, а так, будто хотела сказать: «Ты мой дом». И в этом поцелуе не было ничего лишнего — только тепло, только доверие, только чувство, что теперь мы действительно семья. После мы пошли гулять по знакомым улицам, и всё казалось другим: витрины светились ярче, воздух пах свежестью, а каждый прохожий будто улыбался нам вслед. Может, это была иллюзия, а может, Kit Community просто умеет делать такие дни особенными. Вечером мы сели на скамейку у реки, смотрели, как отражаются огни в воде, и Kiladosha положила голову мне на плечо.— Знаешь, — сказала она тихо, — я раньше думала, что семья — это когда тебя заставляют быть кем-то. А теперь понимаю: семья — это когда тебе разрешают быть собой. И

любят именно этого тебя. Я обнял её крепче и прошептал:— Спасибо, что выбрала меня.— Спасибо, что согласился, — ответила она и улыбнулась. И в этот момент я понял: вот она, наша первая семья. Не из громких слов и не из идеальных дней. А из того, что мы есть друг у друга. Из того, что можем молчать рядом и всё равно чувствовать: мы вместе.

Глава 4 <первый ребенок спустя 2 года после свадьбы>

Два года пролетели как одно мгновение. Казалось, только вчера мы стояли в том тихом дворике за старой библиотекой, шептали друг другу простые, но такие важные клятвы, а теперь наша маленькая вселенная стала чуть больше — и бесконечно теплее. В Kit Community говорят, что семья растёт не тогда, когда прибавляются люди, а когда в воздухе появляется новый оттенок счастья — тот самый, который можно услышать только в тишине. Мы с Kiladosha начали замечать его задолго до того, как всё стало официально. Это было в мелочах: в том, как она вдруг стала чаще улыбаться без причины, как я ловил себя на том, что прислушиваюсь к тишине, будто жду какого-то особенного звука. А потом настал день, когда Kiladosha вошла в комнату, держа в руках маленькую коробочку, и сказала, чуть дрожащим от волнения голосом:— Кажется, у нас будет ребёнок. Я замер. Мир на секунду перестал крутиться. А потом вдруг закрутился быстрее, ярче, будто кто-то повернул ручку громкости у самой жизни.— Правда? — только и смог выдохнуть я. Она кивнула, и в её глазах было столько света, что мне показалось, будто даже тени в комнате разбежались, не выдержав такой яркости.— Да, — сказала она, и голос её звучал

как тихая песня. — Я сама ещё не до конца верю. Но это правда. Мы обнялись так крепко, будто хотели удержать этот момент навсегда. И в этом объятии не было ни страха, ни сомнений — только огромное, тёплое «мы справимся».---С того дня всё в нашем доме стало другим. Мы начали придумывать имена, спорить о том, на кого малыш будет больше похож, смеяться над тем, как странно звучит фраза «мы будем родителями». Но больше всего нам нравилось просто сидеть рядом, слушать тишину и представлять, каким будет этот маленький человек, который уже сейчас делает нас другими. Kiladosha стала замечать в мире столько деталей, будто кто-то раскрасил его заново. Она собирала маленькие истории: как солнце ложится на подоконник ровно в четыре, как ветер шевелит листья так, будто шепчет что-то важное, как в шуме города можно услышать редкие, но такие нужные паузы.— Хочу, чтобы он или она знал, что мир умеет быть добрым, — говорила она, и я кивал, потому что чувствовал то же самое. А я старался быть тем, кто заметит, если ей станет тяжело. Приносил чай, когда она уставала, обнимал, когда ей хотелось просто спрятаться от всего на свете, и шептал:— Я здесь. Мы вместе. Всё будет хорошо. Иногда по вечерам мы сидели на балконе, смотрели, как зажигаются огни над городом, и Kiladosha клала руку на живот, будто прислушивалась к чему-то очень тихому, что мог услышать только она.— Он или она уже чувствует, что мы рядом, — говорила она. — Я это знаю. И я верил ей. Потому что в Kit Community верят:

любовь — это не только слова, это тепло, которое ты отдаёшь, даже когда молчишь.---День, когда родился наш ребёнок, начался как самый обычный. Утро было прохладным, солнце только-только начинало протирать глаза, а город ещё не успел проснуться по-настоящему. Но я уже не мог усидеть на месте. Ходил из комнаты в комнату, проверял, всё ли готово: пелёнки, бутылочки, маленькая шапочка с вышитым узором, которую Kiladosha связала сама.А потом пришло сообщение: «Пора».И мир снова замер. А потом рванул вперёд с такой скоростью, что я едва успевал дышать.Больница в Kit Community — не такая, как везде. Здесь не пахнет страхом. Здесь пахнет чаем с мятой, старыми книгами и надеждой. Здесь врачи говорят тихо, будто не хотят спугнуть самое важное, а стены будто умеют слушать и хранить секреты.Я держал Kiladosha за руку и шептал всё, что приходило в голову:— Ты самая сильная. Ты всё сможешь. Я здесь. Я с тобой.Она сжимала мою руку так крепко, что я чувствовал каждый её вдох, каждую секунду, когда ей было тяжело, и каждую, когда становилось чуть легче.А потом раздался первый крик.Он был таким настоящим, таким живым, что у меня на глазах выступили слёзы. Я даже не сразу понял, что плачу. Просто стоял и слушал, как этот крошечный голос заявляет миру: «Я здесь!»Когда мне впервые дали его на руки, я замер. Он был таким маленьким, таким тёплым, таким беззащитным, что у меня внутри что-то щёлкнуло — и я вдруг понял: вот ради чего всё это. Ради этого крошечно-

го чуда, ради того, чтобы быть его опорой, его тишиной, его светом.— Привет, малыш, — прошептал я, прижимая его к себе. — Я твой папа. И я буду беречь тебя. Обещаю. Kiladosha смотрела на нас, и в её глазах стояли слёзы счастья.— Он такой красивый, — сказала она тихо. — Такой наш. И в этот момент я понял, что семья — это не просто слово. Это когда ты смотришь на крошечное существо, которое только что пришло в этот мир, и знаешь: теперь ты никогда не будешь один. И он тоже.---Дома всё стало ещё уютнее. Наш маленький уголок наполнился новыми звуками: тихим сопением, редкими всхлипами, которые быстро сменялись спокойствием, когда кто-то из нас брал его на руки. Мы учились понимать эти звуки, учились быть родителями, ошибаться, исправлять ошибки и снова пробовать. Однажды ночью, когда город спал, а наш малыш вдруг проснулся и тихонько позвал мир своим голосом, я взял его на руки и вышел на балкон. Kiladosha осталась в комнате, досыпая редкие минуты тишины. А я стоял и смотрел, как над городом медленно плывут облака, как мерцают звёзды, будто подмигивают нам, и шептал малышу:— Видишь, какой большой мир? Но ты не бойся. У тебя есть мы. И мы всегда будем рядом. Он смотрел на меня своими огромными, ещё не понимающими, но уже такими доверчивыми глазами, и я чувствовал, как моё сердце становится шире, будто в нём теперь хватает места на целую вселенную.---Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Наш малыш рос, учился улыбаться, тянуться к све-

ту, узнавать наши голоса. Kiladosha смеялась, когда он впервые схватил её за палец, будто сказал: «Ты моя». А я ловил моменты, когда он смотрел на меня и будто спрашивал: «А ты правда будешь меня защищать?» И я отвечал ему каждым своим действием: да, буду. В Kit Community есть старая традиция: когда в семье рождается ребёнок, родители пишут ему письмо, которое он прочтёт, когда станет взрослым. Мы с Kiladosha сели однажды вечером, когда малыш уже спал, и написали два письма. Моё начиналось так: > «Когда ты будешь читать это, я, возможно, уже не смогу быть рядом каждую секунду. Но знай: я любил тебя с той самой минуты, когда услышал твой первый крик. Я буду любить тебя всегда, даже если ты забудешь моё лицо. Даже если мир станет сложным, помни: ты не один. У тебя есть семья. И это самое главное». А письмо Kiladosha было про то, как важно замечать красоту в мелочах, про то, что доброта — это тоже сила, и про то, что дом — это не место, а чувство, которое живёт внутри. Мы положили эти письма в деревянную шкатулку, которую нашли на старом рынке, и спрятали её на самой верхней полке, туда, куда малыш доберётся только тогда, когда будет готов. --- Теперь, когда я смотрю на нашу маленькую семью, я понимаю: счастье — это не громкие события. Это тихий вечер, когда Kiladosha улыбается, глядя, как малыш сжимает мой палец. Это её рука в моей руке. Это ощущение, что мы делаем что-то по-настоящему важное. Это и есть наша первая семья. Не идеальная, не безупречная, но

настоящая. Семья, в которой любят, берегут и знают: что бы ни случилось, мы справимся. Потому что мы — вместе.

Глава 5 <имя ребенка>

Мы сидели на нашем любимом балконе — том самом, где по вечерам город зажигал свои огни, будто рассыпал по небу горсти звёзд. Сейчас, правда, было утро, и солнце ещё не успело стать жарким: оно лежало на перилах тонкими золотыми полосками, грело плечи и делало даже самые обычные вещи волшебными. Наша дочка спала в соседней комнате, в маленькой кроватке, которую я собирал сам, по три раза перечитывая инструкцию и всё равно путая детали, пока Kiladosha не рассмеялась и не сказала: «Главное, чтобы она стояла. А мы всё остальное доделаем вместе». И мы доделали. И теперь эта кроватка стала самым важным местом в доме. Но сейчас в комнате было тихо, и эта тишина казалась особенной — будто мир на секунду остановился, чтобы дать нам время подумать о самом главном. — Знаешь, — тихо сказала Kiladosha, прижимаясь ко мне плечом, — мне кажется, имя — это не просто слово. В Kit Community верят, что имя — это первый подарок, который мы даём ребёнку. Оно как будто прокладывает ей дорожку в мир. И я не хочу ошибиться. Я обнял её крепче, чувствуя, как её волосы щекочат мне подбородок, и улыбнулся: — Мы не ошибёмся. Потому что мы делаем это вместе. Она вздохнула, но в этом вздохе не было усталости — только трепет, будто она боялась спугнуть момент. — Давай просто попробовать. Назовём вслух, послу-

шаем, как звучит. Если не подойдёт — отпустим и возьмём другое. И мы начали. Сначала шли самые простые варианты — те, что первыми приходили в голову. — Амелия, — проговорила Kiladosha. Я повторил про себя, потом вслух: — Амелия... Красиво. Как будто про что-то воздушное, лёгкое. — Да, — согласилась она. — Но мне кажется, ей нужно что-то... чуть более сильное. Она ведь уже показала, какая она смелая — просто придя в этот мир. — Тогда... Лира? — предложил я. — Лира... — она покачала головой, прислушиваясь к звуку. — Мне нравится, но будто не до конца. Как будто это имя для кого-то, кто уже всё знает. А наша малышка только начинает узнавать мир. Ей нужно имя, в котором есть и сила, и любопытство. Мы замолчали, прислушиваясь к тишине, и вдруг Kiladosha улыбнулась: — Помнишь, как мы шли по набережной в тот день, когда ты впервые взял меня за руку и сказал: «Давай не будем бояться»? Там ещё цвела сирень, и пахло так, будто весь город решил стать добрее. — Помню, — кивнул я. — Это был один из лучших дней. — Тогда давай... Сирена? Нет, не то. Слишком похоже на сигнал. Я рассмеялся: — Точно. Нам не нужно, чтобы её путали с сиреной на крыше. Она шутливо толкнула меня в плечо, но тут же снова стала серьёзной: — Мне хочется, чтобы в имени было что-то от Kit Community. Что-то, что напомним ей, откуда она. Что наш мир умеет быть тёплым, даже когда снаружи холодно. Я задумался. В Kit Community имена часто несли в себе отголоски старых историй, легенд,

забытых слов, которые вдруг обретали новую жизнь. — А что насчёт... Элара? — вдруг сказал я. — В старых легендах Kit Community Элара — это звезда, которая светит даже днём, если знать, куда смотреть. Kiladosha замерла, будто прислушиваясь не к слову, а к тому, как оно ложится на воздух. Потом медленно повторила: — Элара... Элара. На её лице появилась улыбка — та самая, от которой у меня всегда становилось теплее внутри. — Мне нравится, — тихо сказала она. — В нём есть свет. И есть что-то древнее, будто это имя ждало её. — Но давай ещё подумаем, — добавил я. — Чтобы быть уверенными. Мы перебирали ещё имена: Мира, Селина, Лайра, Веста... Каждое звучало по-своему, каждое оставляло свой след, но ни одно не ложилось так мягко, как «Элара». А потом дочка проснулась. Мы услышали её тихий голос — сначала просто звук, похожий на мурлыканье, а потом — настоящий, живой, требовательный писк, который тут же заставил нас обоих вскочить. Когда я взял её на руки, она на секунду замерла, будто оценивала мир, а потом вдруг широко распахнула глаза и посмотрела прямо на меня. И в этом взгляде было столько доверия, столько «я здесь, и я тебе верю», что у меня перехватило дыхание. — Ну что, малышка, — прошептал я, — ты ведь сама скажешь, какое имя тебе подходит, правда? Я передал её Kiladosha, и та прижала дочку к себе, уткнувшись носом в её макушку. — Она пахнет счастьем, — сказала она, смеясь сквозь слёзы. А потом, глядя на неё, произнесла: — Элара. Пусть будет Элара. По-

тому что она — наш свет. Даже когда мы не видим его, он есть. Я сел рядом, обнял их обеих — и дочку, и Kiladosha — и почувствовал, как всё внутри становится на свои места. — Элара, — повторил я, и это слово теперь звучало не как вариант, а как истина. --- Позже, когда Элара уснула, мы вышли на ту самую набережную, где когда-то впервые взялись за руки. В Kit Community есть традиция: когда имя выбрано, его шепчут воде, чтобы река унесла все сомнения и оставила только уверенность. Мы стояли у перил, смотрели, как вода бежит вперёд, никогда не останавливаясь, и Kiladosha тихо сказала: — Река, мы зовём её Элара. Пусть она растёт сильной, доброй и знает, что её любят. Я добавил: — Пусть она никогда не чувствует себя одинокой. Пусть знает, что у неё есть дом. Вода чуть плеснула в ответ, будто согласилась. Когда мы вернулись домой, я достал старую деревянную шка-тулку — ту самую, где лежали письма для Элара. И добавил туда ещё одну вещь: маленький кусочек бумаги, на котором мы вместе написали: > «Элара. Твоё имя значит свет, который видно даже днём. Мы выбрали его, потому что ты принесла свет в нашу жизнь. И мы будем беречь этот свет, как бережём тебя». --- С того дня имя «Элара» стало звучать в нашем доме как самое любимое слово. Мы произносили его по сто раз на дню: «Элара, смотри, птичка!», «Элара, хочешь кашку?», «Элара, я тебя люблю». И каждый раз оно звучало по-новому, будто раскрывалось, как цветок. Иногда по вечерам, когда город уже засыпал, а мы всё ещё сидели на бал-

коне, Kiladosha брала меня за руку и говорила: — Спасибо, что ты был со мной в этот момент. Что мы выбирали имя вместе. А я отвечал: — Спасибо, что ты научила меня слышать тишину. Потому что именно в ней мы и слышали это имя. Теперь, когда я смотрю на Элару — на то, как она тянет ручки к свету, как смеётся, когда ветер шевелит занавески, как доверчиво прижимается к нам, будто знает, что здесь безопасно, — я понимаю: мы не просто выбрали имя. Мы выбрали судьбу.

Глава 6 <тихий стон>

Глава 6. Тихий стон
Вечер медленно опускался на город, укутывая улицы мягким сумраком. Последние лучи солнца цеплялись за крыши домов, будто не хотели уходить, оставляя после себя тонкую золотистую кайму. В воздухе витал лёгкий аромат цветущей сирени — он смешивался с запахом нагретого за день асфальта и едва уловимым дыханием приближающейся ночи. Всё вокруг будто замерло: даже ветер утих, словно боялся нарушить ту особенную тишину, которая бывает только в моменты, когда мир становится чуть ближе к чуду. Я стоял у невысокой ограды старого парка, сжимая в руках небольшой букетик полевых цветов — их я сорвал по дороге, сам не зная зачем, просто почувствовал, что должен принести что-то настоящее, не из магазина, а из самой земли, из живого мира. Сердце билось где-то в горле, мешая дышать ровно, и каждый вдох казался слишком громким в этой звенящей тишине. Я ждал. И знал, что она придёт. И она пришла. Kiladosha появилась из-за поворота, будто вынырнула из самого сумрака — её силуэт на мгновение слился с тенью, а потом шагнул в полосу света, и я увидел её улыбку. Она шла легко, почти невесомо, и в каждом её движении была какая-то особенная свобода, от которой у меня внутри всё сжималось и одновременно расправлялось, как будто я наконец-то мог дышать по-настоящему. Её воло-

сы, слегка растрепанные ветром, ловили последние отблески дня, переливаясь медным и тёмно-каштановым, а глаза светились так, будто в них отражалось всё небо сразу. — Привет, — сказала она, останавливаясь в шаге от меня. Её голос был тихим, но в нём слышалась улыбка, и от этого мне стало спокойнее, хотя сердце всё ещё стучало где-то у самого горла. — Ты опять стоишь тут, будто ждёшь чего-то важного. Я хотел сказать что-то остроумное, что-то лёгкое, чтобы скрыть, как сильно дрожат пальцы, но слова застряли где-то посередине фразы, и вместо этого я протянул ей цветы. — Это тебе, — произнёс я, чувствуя, как краснеют уши, и надеясь, что в полумраке этого не видно. — Они... ну, они просто красивые. Как ты. Она рассмеялась — негромко, так, что звук растворился в вечернем воздухе, не нарушая тишины, а только делая её теплее. Взяла букет, поднесла к лицу, вдохнула, и на её губах появилась та самая улыбка, от которой у меня всегда становилось светлее внутри. — Спасибо, — прошептала она, глядя на меня чуть дольше, чем обычно. В её взгляде было что-то новое, какое-то тихое ожидание, будто она тоже стояла на краю чего-то важного и боялась сделать шаг, но хотела его сделать. — Знаешь, сегодня такой вечер... будто всё вокруг специально замерло, чтобы мы могли просто побыть вдвоём. Я кивнул, не доверяя своему голосу, и сделал шаг ближе. Расстояние между нами сократилось до одного вдоха, до одного удара сердца. Воздух стал гуще, насыщеннее, и каждый его глоток казался особенным, будто я

вдыхал не просто кислород, а саму эту ночь, этот момент, эту близость. Её рука сама собой потянулась к моей, пальцы скользнули по коже, лёгкие, как прикосновение ветра, и я почувствовал, как по спине пробежала тёплая волна. Мы стояли так несколько секунд — просто держась за руки, слушая, как город тихо шепчет свои вечерние истории, как где-то вдалеке проезжает одинокая машина, как шуршат листья на старом клёне. И в этом шуме, в этом движении мира, мы были как остров, как место, где время замедлилось, чтобы дать нам этот миг. Потом она чуть наклонила голову, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, и посмотрела на меня так, что у меня перехватило дыхание. В её глазах отражался закат, и в этом отражении было столько нежности, что я вдруг понял: я могу быть слабым, могу быть испуганным, могу не знать, что сказать, — и она всё равно будет здесь, рядом, и не осудит, не оттолкнёт. — Можно? — тихо спросил я, сам не понимая, о чём прошу: можно ли быть ближе, можно ли признаться, что мне страшно и хорошо одновременно, можно ли просто остаться в этом мгновении навсегда. Она не ответила словами. Вместо этого она чуть приподнялась на цыпочки, её пальцы крепче сжали мою руку, а другая рука легла мне на плечо, мягко, уверенно, будто она знала, что делает, и знала, что я нуждаюсь в этой уверенности. Её лицо приблизилось, и я почувствовал её дыхание — тёплое, чуть неровное, такое же взволнованное, как моё. Наши губы встретились — сначала осторожно, будто проверяя, правда

ли это происходит, будто боясь спугнуть момент. Потом чуть увереннее, и мир вокруг окончательно растворился, остался только этот поцелуй, только её тепло, только ощущение, что я наконец-то дома, что меня нашли, что я не один. И в этот миг, когда всё внутри сжалось от нежности и радости, она тихо издала нежный и ласковый стон — такой тихий, что, если бы не эта звенящая вечерняя тишина, я бы его не услышал. Он был не громким, не страстным, а именно ласковым, словно она шептала этим звуком: «Я здесь. Ты не один. Мы вместе». Этот звук прошёл сквозь меня, согревая каждую клеточку, снимая ту тяжесть, которую я носил с собой так долго. Я обнял её крепче, притянул к себе, чувствуя, как её тело доверчиво прижимается ко мне, как её руки обхватывают меня, будто хотят удержать, защитить, подарить ту самую нежность, которой мне так не хватало. Мы стояли так долго — казалось, часы, а может, всего несколько мгновений. Время потеряло смысл, потому что в этом объятии, в этом поцелуе, в этом тихом стоне было всё, что мне нужно. Мир продолжал жить своей жизнью: где-то смеялись люди, проезжали машины, зажигались фонари, но для нас этот уголок парка стал отдельной вселенной, где существовали только мы двое и эта невероятная, хрупкая, но такая настоящая близость. Когда мы наконец отстранились, чтобы посмотреть друг на друга, её глаза блестели, а на щеках играл лёгкий румянец. Она улыбнулась — так мягко, так искренне, что у меня на мгновение перехватило дыхание от счастья. — Зна-

ешь, — прошептала она, прижимаясь лбом к моему плечу, — иногда самые важные вещи случаются в полной тишине. Когда не нужно слов, потому что всё уже сказано. Я улыбнулся, чувствуя, как внутри разливается тепло, и провёл ладонью по её волосам, осторожно, боясь нарушить эту хрупкую гармонию. — Да, — тихо ответил я. — Иногда тишина говорит громче любых слов. И мы снова обнялись, стоя под первыми звёздами, которые начали загораться на тёмном небе. Парк постепенно погружался в ночь, но нам не было страшно — потому что мы были вместе, и этого было достаточно. В этом мгновении не было ни прошлого, ни будущего, только настоящее, наполненное нежностью, доверием и тем самым тихим счастьем, которое приходит, когда ты наконец-то чувствуешь, что тебя видят, слышат и любят. А где-то далеко, за пределами нашего маленького мира, город продолжал жить, но для нас он стал просто фоном, декорацией к истории, которая только начиналась. Истории о том, как два человека нашли друг друга в огромном мире и поняли, что даже в самой глубокой тишине можно услышать самое главное.

Глава 7 <первые шаги элары>

Глава 7. Первые шаги Элары Солнечный свет лился в комнату сквозь полупрозрачные занавески, рассыпаясь по полу золотыми пятнами. В воздухе кружились крошечные пылинки, медленно танцуя в лучах, будто маленькие звёзды, упавшие с неба. Всё вокруг было наполнено той особенной утренней тишиной, когда дом ещё не проснулся до конца, но уже дышит, живёт, ждёт чего-то хорошего. Элара сидела на пушистом ковре, крепко держась за край небольшого деревянного столика. Её маленькие пальчики сжимали резной бортик так, будто от этого зависела вся вселенная. На ней было лёгкое платье с вышитыми цветочками — Kiladosha сшила его сама, вкладывая в каждый стежок столько любви, что ткань, казалось, хранила тепло её рук. Волосы Элары, тёмные, с лёгким медным отливом, были собраны в два крошечных хвостика, которые подпрыгивали при каждом её движении, словно живые. Я стоял чуть в стороне, стараясь не шевелиться, чтобы не спугнуть этот момент. Сердце билось где-то в горле, а ладони предательски вспотели. Я знал, что нельзя торопить события, нельзя подталкивать — первые шаги должны случиться сами, когда она будет готова. Но как же хотелось подхватить её, прижать к себе, защитить от любого падения, от любого испуга. Kiladosha присела рядом с Эларой, опустившись на колени так плавно, будто сама превра-

тилась в часть этого тихого утра. Её глаза светились тем особенным светом, который появлялся только рядом с дочкой, — тёплым, мягким, бесконечно терпеливым. Она протянула руки, не хватая, не дёргая, а просто предлагая опору, показывая, что она здесь, рядом, и ничего не случится. — Ну что, моя маленькая звёздочка, — тихо проговорила Kiladosha, чуть наклонив голову, чтобы их взгляды встретились. — Ты так крепко держишь этот столик, будто он — твоя крепость. Но знаешь, иногда крепости нужно покидать, чтобы увидеть, какой огромный и красивый мир вокруг. А я буду тут. Я никуда не уйду. Элара на мгновение замерла, будто обдумывала каждое слово. Её большие глаза, такие похожие на мамыны, внимательно изучали лицо Kiladosha, словно искали в нём подтверждение: правда ли, что всё будет хорошо? Потом она чуть ослабила хватку, один пальчик отпустил край столика, потом второй... и вдруг, будто решившись на самый смелый поступок в своей жизни, потянулась к маминым рукам. И тут случилось нечто удивительное. Kiladosha вдруг тихонько, почти неслышно, начала мурлыкать. Не петть, не напевать какую-то мелодию — именно мурлыкать, как большая ласковая кошка, которая хочет успокоить своего котёнка. Этот звук был низким, тёплым, вибрирующим, он шёл откуда-то из самой глубины её груди и разливался по комнате, обволакивая, защищая, обещая: «Я здесь. Ты в безопасности. Делай шаг — я поймаю». Этот звук подействовал на Элара как самое надёжное заклинание. Её личико озарилось

улыбкой — такой искренней, такой чистой, что у меня на глазах выступили слёзы, и я поспешно смахнул их, боясь, что если заплачу, то нарушу эту хрупкую магию момента. Она чуть приподнялась на своих маленьких ножках, неуверенно, будто проверяя, выдержит ли пол, не провалится ли он под её весом. Один пальчик оторвался от ковра, потом второй, и вот она уже стояла, слегка покачиваясь, но держась прямо, гордо, будто знала, что совершает что-то великое. — Вот так, моя хорошая, — мурлыкала Kiladosha, не убирая рук, позволяя Эларе опираться на них, чувствовать эту опору, но давая ей возможность самой держать равновесие. — Ты такая смелая. Ты можешь. Просто сделай маленький шажок. Совсем крошечный. Как будто ты наступаешь на лепесток цветка, чтобы не помять его. Элара снова посмотрела на маму, будто черпая в её глазах всю необходимую храбрость. И сделала этот шаг. Он был неуверенным, коротким, почти незаметным — но для нас он был длиннее любого путешествия. Её ножки дрожали, но она не упала, не отпустила мамины руки, а наоборот, крепче вцепилась в них, будто хотела сказать: «Я сделала это! Видишь? Я смогла!» Второй шаг дался чуть легче. Третий — ещё увереннее. Она шла, слегка наклонившись вперёд, широко расставив ручки для равновесия, и каждый её шаг отзывался в наших сердцах тысячей колокольчиков. Kiladosha продолжала мурлыкать — теперь чуть тише, будто боялась, что громкий звук спугнёт эту новую уверенность. Её глаза блестели, но она улыбалась, и

эта улыбка была такой светлой, что, казалось, могла осветить весь мир. Я наконец-то смог подойти ближе, не нарушая их маленького ритуала. Присел на корточки рядом, протянул руку, не касаясь, просто чтобы она знала: папа тоже здесь, папа видит, как она старается, папа гордится каждым её движением. — Ты такая умница, Элара, — прошептал я, стараясь говорить тихо, чтобы не разрушить эту хрупкую тишину, наполненную счастьем. — Ты идёшь! Ты сама идёшь! Она на мгновение остановилась, посмотрела на меня своими огромными глазами, в которых читалось столько восторга и удивления, будто она сама не верила, что смогла сделать это. Потом снова шагнула — уже ко мне. И когда её маленькая ладошка коснулась моей руки, я почувствовал, как всё внутри меня переворачивается от нежности и гордости. — Ещё шаг, — мурлыкала Kiladosha, теперь уже чуть громче, потому что страх ушёл, уступив место чистой радости. — Ещё один, и ты дойдёшь до папы. Ты такая сильная, моя девочка. Ты всё можешь. И она дошла. Последний шаг был самым уверенным. Элара буквально влетела в мои объятия, уткнулась носом мне в плечо, крепко обхватив шею своими ручками, будто хотела спрятаться в этом тепле и одновременно показать всему миру: «Я дошла! Я смогла!» Я прижал её к себе, чувствуя, как её маленькое сердечко бьётся в такт с моим, быстро, радостно, отчаянно. Погладил её по спинке, по этим смешным хвостикам, и прошептал прямо в ушко: — Ты самая храбрая девочка на свете. Ты сделала свои первые шаги.

И знаешь, что самое главное? Теперь ты можешь идти куда угодно — а мы с мамой всегда будем рядом. Мы будем держать тебя, даже если ты не видишь наших рук. Kiladosha подошла ближе, обняла нас обоих, прижавшись щекой к моему плечу. Её мурлыканье теперь стало тише, превратившись в тихий, довольный звук, который больше походил на шёпот счастья. Она закрыла глаза, будто хотела навсегда запомнить этот момент: запах детской кожи, тепло наших тел, ощущение того, что семья — это не просто слово, а самое надёжное место во вселенной. — Знаешь, — проговорила она, не открывая глаз, её голос дрожал от переполнявших её чувств, — иногда самые громкие победы звучат совсем тихо. Вот как сейчас. Как этот её первый шаг. Как моё мурлыканье. Как твоё дыхание, когда ты боишься даже моргнуть, чтобы не пропустить ни секунды. И в этой тишине рождается самое настоящее счастье. Мы стояли так несколько долгих минут, обнявшись втроём, пока солнце поднималось всё выше, заливая комнату золотым светом. Элара немного успокоилась, её дыхание стало ровнее, и она снова потянулась ножками к полу, будто хотела проверить: а правда ли она умеет ходить, или это был просто чудесный сон? — Давай ещё разок, — улыбнулась Kiladosha, снова опускаясь на колени и протягивая руки. — Только теперь ты пойдёшь не к папе, а ко мне. Или... может, мы пойдём все вместе? Держи меня за руку, держи папу за другую, и мы сделаем этот шаг втроём. Элара радостно закивала, её глазки загорелись азартом.

Она схватила мою руку своей маленькой ладошкой, потом потянулась к маме, и мы встали в маленький круг, соединённые не просто руками, а чем-то гораздо более крепким — любовью, доверием, общим счастьем. И мы пошли. Медленно, осторожно, подстраиваясь под её крошечные шажки, но вместе. Каждый наш шаг отдавался в груди тёплой волной, напоминая: вот оно, самое важное. Не великие свершения, не далёкие цели, а вот эти мгновения, когда ребёнок делает первые шаги, когда мама мурлычет, чтобы успокоить, когда папа боится дышать, чтобы не спугнуть чудо. А когда мы наконец остановились, уставшие, но бесконечно счастливые, Kiladosha снова тихонько замурлыкала — теперь уже не для Эллары, а для нас троих, как будто этим звуком хотела укутать нас всех невидимым пледом, согреть даже в самые холодные дни. И я понял: пока мы вместе, пока мы слышим друг друга, пока мы чувствуем эти маленькие, но такие огромные победы — нам ничего не страшно. Так начался новый этап нашей жизни. Этап, когда каждый шаг Эллары был не просто движением — он был песней, которую мы пели втроём. Песней о семье, о любви, о том, что даже самые тихие звуки могут быть громче любых криков, если они идут от самого сердца.

Глава 8 <Элара идёт в садик>

Глава 8. Элара идёт в садик Утро началось не с будильника, а с тихого, но настойчивого шуршания где-то совсем рядом. Я приоткрыл один глаз и тут же наткнулся взглядом на Элару, которая, сидя на краю кровати, старательно пыталась натянуть на плюшевого зайца крошечную шапочку — ту самую, что Kiladosha связала прошлой зимой. Заяц выглядел слегка ошеломлённым, но Элара была предельно серьёзна: она хмурила бровки, поджимала губы и время от времени бормотала себе под нос что-то вроде «так, теперь сюда... нет, не так...». — Доброе утро, шпионка, — прошептал я, стараясь не спугнуть этот важный процесс. Элара вздрогнула, подняла на меня глаза и тут же расплылась в улыбке, от которой в комнате будто стало светлее. — Папа, смотри! Он замёрзнет без шапки! Надо его спасти! Я сел, потянулся, улыбнулся и притянул дочку к себе, зарывшись носом в её мягкие волосы, пахнувшие шампунем с ромашкой и чем-то неуловимо своим, эларовским. — Ты у нас самая заботливая спасательница. Но знаешь, сегодня у нас важное дело. Мы идём записывать тебя в садик. Слово «садик» повисло в воздухе, как мыльный пузырь — красивое, переливающееся, но такое хрупкое. Элара замерла, перестала теревить заячью лапку и посмотрела на меня так, будто я только что сообщил ей, что завтра начнётся конец света или, наоборот, самое гранди-

озное приключение.— В садик? — тихо переспросила она, будто пробуя слово на вкус. — А ты пойдёшь со мной?— Конечно. И мама тоже. Мы все вместе. В этот момент из кухни донёсся тихий, но уверенный голос Kiladosha:— И ещё мы возьмём с собой бутерброды. На всякий случай. Вдруг там будет страшно, и тебе захочется перекусить. Или просто захочется бутерброда. Это тоже нормально. Я улыбнулся, услышав это. В этом была вся Kiladosha — она не пыталась убедить, что «там не страшно», не обещала, что «ты сразу подружишься со всеми». Она просто говорила: «Если будет страшно — у тебя будет бутерброд. И мы будем рядом». Когда мы вышли из дома, утро уже окончательно проснулось. Солнце стояло высоко, но ещё не обжигало, а ласково грело плечи. По тротуару бежали длинные тени, а в воздухе пахло свежестью, мокрой листвой и чуть-чуть — дымом из чьей-то трубы, будто город только что разжёл костёр, чтобы согреть этот день. Элара шла между нами, крепко держа нас за руки. Её маленькие пальчики сжимали наши ладони с такой силой, будто она боялась, что если ослабит хватку хоть на секунду, мир унесёт её куда-то далеко, туда, где нет ни папы, ни мамы, ни бутербродов.— А там будут другие дети? — спросила она, глядя вперёд, но стараясь не поднимать глаз слишком высоко, будто боялась увидеть садик раньше времени.— Будут, — ответила Kiladosha, наклоняясь к ней так, чтобы их глаза оказались на одном уровне. — И знаешь, что самое интересное? Они все когда-то тоже шли вот так, дер-

жа маму за руку, и боялись. А потом кто-то принёс печенье, кто-то показал машинку, кто-то просто сказал: «Привет, давай играть». И страх потихоньку убежал, потому что ему стало скучно. Элара задумалась, будто взвешивала каждое слово. Потом кивнула, будто приняла важное решение. — Ладно. Тогда я возьму с собой зайца. Он тоже будет знакомиться. Мы улыбнулись друг другу — я и Kiladosha, — и в этом молчании было столько понимания, что слова были не нужны. Мы оба знали: сегодня не просто «запись в садик». Сегодня Элара делает ещё один шаг во взрослый мир, и наша задача — не тащить её туда силой, а идти рядом, держать за руку и напоминать, что даже если станет страшно, она не одна. Садик оказался не таким страшным, как его рисовало детское воображение. Это было светлое здание с большими окнами, из которых лился тёплый свет. На крыльце стояли горшки с цветами, а на двери висела табличка с нарисованным солнышком и надписью: «Добро пожаловать». Рядом с крыльцом тянулась невысокая ограда, а за ней виднелась площадка с качелями, горкой и песочницей, усыпанной разноцветными камушками. Когда мы подошли ближе, Элара замедлила шаг, будто земля стала тяжелее. Я присел перед ней на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне. — Знаешь, ты не обязана сегодня заходить внутрь, если не хочешь. Мы можем просто посмотреть на площадку. Или постоять тут. Или вообще развернуться и пойти есть мороженое. Это твой день, и ты решаешь, что тебе комфорт-

но. Она посмотрела на меня, потом на маму, потом снова на дверь, где улыбалось нарисованное солнышко. Потом глубоко вздохнула, так, будто собиралась нырнуть в глубокое озеро, и тихо сказала:— Я зайду. Но ты будешь рядом?— Буду. И мама будет. Мы никуда не уйдём. Внутри пахло теплом, деревом и чем-то сладким — кажется, ванилью. В коридоре стояли разноцветные шкафчики, на каждом из которых были приклеены картинки: машинки, котята, звёздочки. У стены стояли маленькие стульчики, а на стене висела большая доска с расписанием и фотографиями детей, которые уже ходили сюда. Нас встретила заведующая — женщина средних лет с добрыми глазами и лёгкой улыбкой, которая не казалась натянутой, а будто жила в ней всегда. Она присела на корточки перед Эларой, не пытаясь схватить её или заговорить слишком громко, а просто сказала:— Привет. Меня зовут Ирина Петровна. Я здесь слежу, чтобы всем было хорошо. А тебя как зовут? Элара прижалась ко мне, спрятав лицо у меня в боку, но всё же прошептала:— Элара.— Очень приятно, Элара, — спокойно сказала Ирина Петровна. — Знаешь, у нас тут есть уголок с мягкими игрушками. И если вдруг станет шумно, можно пойти туда и посидеть. Или просто постоять у окна и посмотреть, как птицы летают. Никто не будет тебя торопить. Эти слова, простые и тихие, будто сняли с Элара невидимый груз. Она чуть выглянула из-за моего плеча, посмотрела на заведующую, потом на шкафчики с картинками, потом на Kiladosha, которая стояла рядом,

чуть наклонив голову и улыбаясь той самой улыбкой, которая всегда говорила: «Всё хорошо, я здесь». — У меня есть заяц, — сказала Элара, доставая игрушку из рюкзака. — Он тоже хочет посмотреть. Ирина Петровна кивнула, будто это было самое важное условие. — Отлично. Тогда давайте познакомимся с группой. Там как раз сейчас дети рисуют. Если захочешь — можно взять кисточку. А если не захочешь — можно просто посмотреть. Мы прошли по коридору, и каждый шаг отдавался в груди странным чувством: одновременно гордостью и лёгкой грустью. Я понимал: это только начало. Скоро Элара будет бежать сюда сама, махать нам рукой с порога и кричать: «Пока, я пошла!» — а мы будем стоять и улыбаться, пряча в глазах слёзы радости. Но сегодня она ещё маленькая, ей всё в новинку, и ей нужно знать, что мы рядом. Группа оказалась светлой и уютной. На стенах висели детские рисунки — яркие, немного кривые, но такие живые, будто каждый мазок хранил в себе кусочек детского счастья. На полу лежали коврики, а в углу стоял тот самый мягкий уголок, о котором говорила Ирина Петровна. Несколько детей сидели за столиком и что-то раскрашивали, время от времени переговариваясь тихими голосами. Одна девочка подняла голову, увидела Элару и улыбнулась. — Привет! Ты новенькая? Хочешь, я покажу, где кисточки? Элара посмотрела на нас, будто спрашивая разрешения. Я кивнул, Kiladosha чуть наклонилась и прошептала ей на ушко: — Если хочешь — иди. Если не хочешь — мы можем просто постоять тут.

Ты решаешь. И Элара решилась. Она сделала маленький шаг вперёд, потом ещё один, держа зайца за ухо, как будто он был её талисманом. Девочка протянула ей руку, не хватая, а просто предлагая: мол, я тут, я не обижу. — Меня зовут Маша. А твоего зайца как? — Это... — Элара запнулась, будто впервые задумалась об этом. — Это Пушистик. Маша рассмеялась, но не обидно, а радостно, будто услышала самую лучшую новость. — Классное имя! У меня есть кот, его зовут Барсик. Он тоже любит шапочки. Хочешь, покажу картинку? И вот так, с простого вопроса, с одной протянутой руки, страх начал таять, уступая место любопытству. Пока Элара разглядывала Машину картинку, мы с Kiladosha отошли чуть в сторону, чтобы не мешать, но оставаться на виду. Ирина Петровна рассказала нам про режим дня, про питание, про то, как проходит адаптация, и всё это она говорила спокойно, без спешки, будто знала, что сегодня нам важно не столько услышать факты, сколько почувствовать: здесь безопасно. — Самое главное, — сказала она, глядя нам прямо в глаза, — первые дни лучше быть рядом. Можно посидеть в группе, можно стоять у двери, можно просто махать рукой из коридора. Главное, чтобы ребёнок знал: вы не исчезли. Вы здесь. И вы придёте за ним. Kiladosha кивнула, и я увидел, как в её глазах блеснули слёзы — но не от грусти, а от облегчения. Она взяла меня за руку, сжала пальцы, и мы снова поняли друг друга без слов. Когда мы собрались уходить, Элара уже сидела за столиком вместе с Машей и ещё одним маль-

чиком, и они что-то старательно выводили кисточками на бумаге. Она подняла голову, увидела нас и радостно замахала:— Мама, папа! Смотрите, я рисую дом! И солнце! И зайца! Мы подошли, посмотрели на рисунок — он был ярким, немного хаотичным, но в нём было столько жизни, что казалось, будто солнце вот-вот начнёт светить по-настоящему.— Очень красиво, — сказала Kiladosha, присаживаясь рядом и целуя Элара в макушку. — Ты такая умница.— Можно я ещё немножко порисую? — спросила Элара, глядя на нас с надеждой, в которой уже не было страха, а только желание остаться, попробовать, узнать.— Можно, — улыбнулся я. — Мы посидим тут, если хочешь. Или можем постоять у двери. Как тебе удобнее? Она на секунду задумалась, потом уверенно кивнула.— Давайте у двери. Тогда я буду знать, что вы тут. Мы встали у порога, не мешая, но оставаясь на виду. Kiladosha тихонько мурлыкала себе под нос какую-то мелодию — ту самую, которую она напевала, когда Элара была совсем маленькой и никак не могла уснуть. Этот звук, тихий и тёплый, будто держал нас всех вместе, не давая распасться на отдельные кусочки. А Элара снова повернулась к рисунку, взяла кисточку и продолжила рисовать свой мир — мир, в котором есть дом, солнце, заяц и родители, которые стоят у двери и улыбаются, потому что знают: сегодня их дочка сделала ещё один важный шаг. И они гордятся ею. И любят её. И всегда будут рядом. Так начался её путь в садик — не с громких слов и не с обещаний, что «всё будет легко», а с тихого

«можно я ещё немножко порисую?» и с двух взрослых, которые просто стояли у двери и ждали, готовые в любой момент сделать шаг вперёд, если она позовёт. И в этом ожидании, в этой тишине, в этом доверии было всё самое главное.

Глава 9 <пушистый хвост kiladosha>

День выдался удивительно спокойным — будто весь мир решил на время затаить дыхание, чтобы не спугнуть что-то очень хрупкое и важное. Солнце мягко стекало по крышам домов, раскрашивая улицы в тёплые золотистые тона, а лёгкий ветерок приносил запах свежей выпечки из соседней пекарни. Я стоял у окна, смотрел, как медленно плывут по небу облака, и чувствовал, как внутри понемногу утихает привычная суeta, уступая место чему-то тихому и светлому. В комнате было уютно: на полу лежал мягкий ковёр, на подоконнике дремала маленькая плюшевая игрушка, которую Kiladosha когда-то купила на ярмарке, а на столе остывал чай в двух чашках — я всегда наливал и ей, даже если она задерживалась. И вот наконец дверь тихонько скрипнула, и она вошла. Kiladosha выглядела как всегда невероятно: её кошачьи ушки чуть подрагивали, улавливая каждый звук, а в глазах плясали озорные искорки. Она улыбнулась, и эта улыбка разом прогнала все тени, что ещё прятались где-то в уголках души. — Ты опять ждал меня, — сказала она, скидывая лёгкие туфли и подходя ближе. В её голосе слышалась нежность, смешанная с лёгкой виноватостью за опоздание. Я

только пожал плечами, стараясь казаться спокойным, хотя сердце радостно подпрыгивало где-то в груди. — А куда мне идти, если ты не здесь? — пробормотал я, сам удивляясь, насколько просто и искренне это прозвучало. Она тихо рассмеялась, звук был похож на перезвон маленьких колокольчиков. Сделала ещё шаг и вдруг одним плавным движением обвила меня своим пушистым хвостом. Хвост был невероятно мягким, словно сотканным из самых тёплых снов, и плотно, но бережно прижался к моим бёдрам, будто хотел удержать меня рядом навсегда. И тут я почувствовал это: хвост начал едва заметно вибрировать. Сначала я подумал, что мне показалось, но вибрация становилась всё отчётливее — ровная, спокойная, похожая на тихое мурлыканье, которое можно услышать, если прижаться ухом к груди довольной кошки. Это было странно, удивительно и в то же время так правильно, что по коже побежали мурашки. Кошачьи ушки Kiladosha медленно опустились, прижимаясь к голове, — такой жест у неё всегда означал, что она чувствует себя в полной безопасности. В этот момент она была не героиней, не кем-то сильным и неуязвимым, а просто девушкой, которой хотелось быть рядом, чувствовать тепло и знать, что её ждут. Я осторожно протянул руку и коснулся её уха — оно было тёплым и чуть подрагивало от каждого моего прикосновения. Kiladosha закрыла глаза и глубоко вздохнула, будто впитывала этот момент целиком, до последней капли. — Иногда мне кажется, что весь этот мир слишком шумный, —

прошептала она, уткнувшись мне в плечо. Её голос звучал тихо, но в нём было столько доверия, что у меня перехватило дыхание.— Тогда мы будем создавать свой собственный мир, — ответил я, обнимая её крепче. Хвост всё ещё вибрировал, и эта вибрация передавалась мне, успокаивая, согревая, напоминая, что я не один. Мы стояли так долго, пока за окном не начали загораться первые огни города. Kiladosha подняла голову и посмотрела на меня своими тёмными глазами, в которых отражался закат.— Знаешь, когда ты рядом, даже самые страшные мысли становятся просто тенью, — сказала она почти шёпотом, будто боялась спугнуть эти слова. Я улыбнулся и провёл ладонью по её волосам.— Значит, я буду рядом всегда. Чтобы прогонять тени. Она снова прижалась ко мне, и её хвост, всё ещё вибрирующий, словно подтверждал: да, здесь безопасно, здесь дом. Вечер медленно перетекал в ночь, а мы всё стояли, обнявшись, и слушали, как затихает город. Где-то далеко звенел трамвай, где-то смеялись прохожие, но для нас всё это было лишь далёким эхом, не способным нарушить ту тишину, которую мы создали вдвоём. И в эту минуту я понял одну простую вещь: счастье не обязательно должно быть громким. Иногда оно прячется в мягком пушистом хвосте, в прижатых к голове ушках, в тихом дыхании рядом и в словах, которые не нужно произносить вслух, потому что они и так уже сказаны — в каждом прикосновении, в каждом взгляде, в каждом мгновении, когда ты знаешь, что тебя ждут. Так начался ещё один

вечер нашей с Kiladosha жизни — тёплый, тихий и бесконечно дорогой сердцу.

Глава 10 <первое мурлыканье Эллары>

Утро началось с мягкого, почти невесомого света, который пробирался сквозь полупрозрачные занавески и ложился на пол тонкими золотистыми полосами. В комнате пахло свежестью и чем-то домашним — то ли тёплым молоком, то ли ванилью, то ли просто счастьем, которое не имеет запаха, но всё равно чувствуется каждой клеточкой тела. Я сидел на краю кровати, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не спугнуть эту хрупкую тишину, и смотрел, как в соседней кроватке, похожей на маленький уютный домик, ворочается Элара. Ей недавно исполнилось девять месяцев, и с каждым днём она становилась всё удивительнее. Её кошачьи ушки, ещё совсем маленькие и нежные, будто только-только научились держать форму, сейчас слегка подрагивали, улавливая малейшие звуки: скрип половицы, тихий шелест ветра за окном, едва слышное тиканье часов на полке. Хвостик, пушистый и лёгкий, как облачко, слабо вилял из стороны в сторону, словно она во сне пыталась поймать что-то очень важное, но ускользающее. Kiladosha стояла у окна, держа в руках чашку с чаем, и улыбалась так, будто весь мир был создан только для того, чтобы в нём была эта минута. Её собствен-

ные ушки чуть приподнялись, выдавая то самое предвкушение, которое мы оба знали: сегодня должно случиться что-то особенное. Мы уже давно ждали этого момента, хотя и не говорили об этом вслух. Мы ждали, когда Элара впервые начнёт мурлыкать. — Она сегодня какая-то особенно чуткая, — прошептала Kiladosha, подходя ближе и ставя чашку на тумбочку. Её голос звучал так тихо, что казался частью этой утренней тишины, не нарушая её, а лишь добавляя к ней ещё одну ноту. Я кивнул, не отрывая взгляда от дочки. — Будто прислушивается ко всему сразу. И в этот самый миг Элара открыла глаза. Они были огромными, тёмными, в них отражался весь мир — и немного больше. Она потянулась, смешно выгнув спинку, и вдруг замерла, будто что-то внутри неё щёлкнуло, встало на своё место. Её ушки дёрнулись — один раз, второй, будто она проверяла, всё ли на месте. Хвост, до этого лениво вилявший, вдруг стал вибрировать, сначала едва заметно, потом всё сильнее, как будто внутри него просыпалась маленькая пружина. А потом случилось то, от чего у меня перехватило дыхание. Из её груди вырвался звук. Тихий, неуверенный, будто она пробовала его на вкус, как пробуют новое лакомство. Это было мурлыканье — первое в её жизни. Оно звучало не так, как у взрослых, не было уверенным и раскатистым. Оно было робким, немного дрожащим, словно она боялась, что звук получится неправильным, что его никто не услышит или, наоборот, он окажется слишком громким и спугнёт что-то важное. Но он был. И он был насто-

ящим. Kiladosha тихо ахнула и прижала ладонь к груди, будто хотела удержать сердце, которое вдруг забилось слишком быстро. Её глаза наполнились слезами, но это были не слёзы грусти — это были слёзы того самого счастья, которое бывает настолько большим, что не помещается внутри и ищет выход. Элара снова дёрнула ушками, будто сама удивилась тому, что у неё получилось. Её хвостик продолжал вибрировать и слабо вилять, и в этом движении было столько восторга, столько детской радости, что казалось, будто он разгоняет остатки сна и наполняет комнату светом. Она посмотрела на нас — сначала на меня, потом на Kiladosha, — и снова издала этот тихий, волшебный звук. Я опустился на колени рядом с её кроватью, стараясь не делать резких движений, чтобы не спугнуть этот момент. Протянул руку и осторожно коснулся её крошечной ладошки. Она тут же схватила мой палец своими тёплыми пальчиками, крепко, по-хозяйски, и снова мурлыкнула — на этот раз чуть увереннее, будто поняла, что звук нравится не только ей. Kiladosha присела рядом, обняла меня одной рукой, прижимаясь плечом, и мы оба замерли, слушая это маленькое чудо. — Ты слышишь? — прошептала она, не сводя глаз с дочки. — Это как самая красивая музыка на свете. Я только кивнул, потому что слова вдруг стали лишними. В этом мурлыканье было всё: доверие, радость, любовь, которую она ещё не умела выражать словами, но уже умела дарить всем своим существом. Элара потянулась ко мне, приподнялась на слабых ещё ножках, держась

за бортик кровати, и снова издала этот звук — теперь он был чуть громче, чуть увереннее. Её ушки снова дёрнулись, будто она прислушивалась к самой себе, проверяя: да, это всё ещё я, это всё ещё мой голос, и он звучит правильно. Хвост продолжал вибрировать, и эта вибрация, казалось, передавалась всему вокруг — она делала воздух теплее, стены — добрее, а мир — немного волшебнее. Я осторожно поднял её на руки. Она тут же прижалась ко мне, уткнулась носом в плечо, и её мурлыканье стало тише, но не исчезло. Оно превратилось в ровный, спокойный ритм, который совпадал с биением моего сердца. Kiladosha провела ладонью по её пушистому хвостику, и тот на мгновение замер, а потом снова начал вибрировать — будто отвечал на её прикосновение. — Знаешь, что это значит? — тихо сказала Kiladosha, глядя на нас с такой нежностью, что у меня защемило в глазах. — Это значит, что она чувствует себя в безопасности. Что она знает: мы здесь, мы рядом, и никто её не обидит. Я улыбнулся, прижимая Элору чуть крепче. Она снова дёрнула ушками, будто соглашаясь, и снова тихо мурлыкнула. День только начинался, но уже было ясно: он будет особенным. Потому что в нём было первое мурлыканье нашей дочки — тот самый звук, который мы будем вспоминать всю жизнь, тот самый момент, который станет одной из самых тёплых страниц нашей семейной истории. Мы сидели втроем, обнявшись, и слушали, как Элара учится выражать свои чувства. Её хвостик всё ещё вибрировал и слабо вилял, ушки время от вре-

мени дёргались, улавливая новые звуки мира, а её тихое мурлыканье становилось всё увереннее — будто она наконец-то нашла свой голос и теперь хотела, чтобы его слышали все. И мы слышали. И мы слушали. И мы знали: это только начало.

Глава 11 <уход на фронт>

Глава 10. Уход на фронтТот день начинался как самый обычный. Солнце пробивалось сквозь занавески, ложась на пол неровными квадратами света, а в воздухе витал запах свежесваренного кофе и тёплого хлеба — Kiladosha всегда старалась испечь что-нибудь к завтраку, даже если времени почти не было. Элара сидела в своём высоком стульчике, размахивала ложкой и радостно смеялась, когда капли каши падали ей на ладошки. Я смеялся вместе с ней, и на мгновение мне казалось, что весь мир устроен правильно: он тёплый, уютный и принадлежит нам троим.Kiladosha стояла у плиты, слегка наклонив голову, и её кошачьи ушки подрагивали, улавливая каждый звук в доме — привычка, которая всегда делала её похожей на чуткого стража нашего маленького счастья. Она обернулась, улыбнулась мне через плечо, и в этой улыбке было столько спокойствия, что хотелось остановить время и навсегда остаться в этой минуте.— Сегодня такой хороший день, — сказала она тихо, будто боялась спугнуть это ощущение. — Даже воздух пахнет по-другому.Я хотел ответить что-то простое и доброе, вроде «да, потому что ты рядом», но не успел. В дверь громко, настойчиво постучали — не так, как стучат соседи или друзья, а так, будто за ней стояла сама неизбежность.Стук прозвучал ещё раз, громче и резче, и внутри у меня всё сжалось. Я знал этот ритм: он

не обещал ничего хорошего. Kiladosha замерла, её ушки резко прижались к голове — так она делала, когда чувствовала опасность. Элара, будто уловив перемену в воздухе, перестала смеяться и посмотрела на нас большими, серьёзными глазами. — Я открою, — сказал я, хотя ноги вдруг стали тяжёлыми, будто налились свинцом. На пороге стояли двое в форме. За ними, на улице, стоял военный автомобиль с тускло поблескивающими номерами, а рядом — ещё несколько человек, чьи лица были скрыты тенью козырьков фуражек. Один из них шагнул вперёд и произнёс слова, от которых мир вокруг будто треснул по швам: — Вы призваны по мобилизации. Сбор через два часа. С собой — минимум вещей. Голос его звучал ровно, буднично, словно он сообщал расписание автобуса, а не ломал чью-то жизнь. Я стоял, не в силах пошевелиться, и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Где-то позади тихо всхлипнула Kiladosha. Когда я обернулся, она уже прижимала к себе Элару, крепко, но осторожно, будто пыталась укрыть её от всего мира. Её ушки дрожали, а глаза были полны ужаса и боли, которую невозможно выразить словами. — Нет, — прошептала она, и это слово прозвучало как крик, только беззвучный, застрявший где-то в горле. — Нет, пожалуйста, не надо... Я подошёл к ним, обнял их обеих — так крепко, как только мог, словно хотел передать им всю свою силу, чтобы её хватило на то время, пока меня не будет. Элара уткнулась мне в плечо, её маленький хвостик слабо вилял, будто она пыталась понять, что проис-

ходит, и искала в этом движении хоть каплю уверенности. — Я вернусь, — сказал я, глядя прямо в глаза Kiladosha, стараясь вложить в эти слова всю свою веру, даже если она была хрупкой, как стекло. — Я обязательно вернусь. Она покачала головой, будто не хотела слышать этих обещаний, потому что боялась, что они разобьются. — Не говори так, — прошептала она. — Не обещай, если не можешь быть уверен. Просто... просто помни, что мы здесь. Что мы ждём. Я кивнул, не доверяя своему голосу. Слова застряли где-то внутри, тяжёлые и горькие. Собраться удалось почти на автомате. Пара рубашек, тёплые носки, старый нож, который когда-то подарил отец, фотография, где мы втроём смеёмся на берегу реки — она была смята по краям, потому что я часто доставал её и смотрел, когда становилось тяжело. Kiladosha молча помогала мне складывать вещи, её движения были резкими, торопливыми, будто она хотела успеть сделать всё до того, как реальность окончательно станет невыносимой. — Возьми это, — она протянула мне маленький кулон на тонкой цепочке — серебряного кота с изумрудными глазами. Когда-то он был её талисманом, и она никогда с ним не расставалась. — Пусть он будет с тобой. Пусть напоминает, что дома тебя любят. Я взял кулон, сжал его в кулаке, чувствуя холод металла и тепло её пальцев. — Я буду смотреть на него и думать о вас, — сказал я. Элара вдруг потянулась ко мне, обхватила ручонками мою шею и прижалась всем своим маленьким телом. Её хвостик снова слабо вилял, а ушки дрожали, будто

она чувствовала, что сейчас происходит что-то очень важное и немного страшное. Она не понимала слов, но чувствовала перемены в воздухе, в наших голосах, в том, как мы стали двигаться и смотреть друг на друга. Я поцеловал её в макушку, вдохнул запах её волос — сладкий, молочный, такой родной, что от него сжималось сердце. — Будь хорошей девочкой для мамы, — прошептал я ей на ухо, хотя понимал, что она ещё слишком мала, чтобы понять смысл этих слов. Но мне хотелось сказать хоть что-то, что могло бы стать опорой, даже если она забудет его через минуту. Машина ждала у подъезда. Люди в форме стояли неподвижно, как статуи, и от их спокойствия становилось только страшнее. Kiladosha держала Элору на руках, её плечи дрожали, но она не плакала. Она смотрела на меня так, будто пыталась запомнить каждую черту моего лица, каждый изгиб, каждую тень, чтобы потом, когда меня не будет рядом, она могла закрыть глаза и увидеть меня снова. — Я люблю тебя, — сказала она, и голос её был тихим, но твёрдым, как сталь, закалённая в огне. — И я буду ждать. Каждый день. Каждую минуту. Я хотел сказать что-то в ответ, но не смог. Вместо слов я просто подошёл, прижался лбом к её лбу, закрыл глаза и постарался запомнить этот момент: её дыхание, тепло её кожи, тихий стук её сердца, который совпадал с моим. Потом я повернулся и пошёл к машине. Шаги были тяжёлыми, каждый из них отдавался в груди, как удар молота. Я не оглядывался, потому что знал: если посмотрю назад, не смогу уйти. А уйти

было нужно — не потому, что я хотел, а потому, что так было надо. Внутри машины пахло металлом и пылью, сиденья были жёсткими и холодными. Дверь захлопнулась с глухим стуком, и этот звук прозвучал как точка в конце предложения, которое я не успел дописать. Машина тронулась, и город поплыл за окном, становясь всё меньше и меньше, пока не превратился в размытые пятна света и тени. Только тогда я позволил себе оглянуться. Они всё ещё стояли у подъезда. Kiladosha прижимала к себе Элору, и даже с такого расстояния я видел, как дрожат её плечи. Её ушки были прижаты к голове, а хвост, которого не было видно, наверняка обвивал их обеих, пытаясь укрыть от холода и страха. Элора махала мне рукой, её хвостик слабо вилял, и в этом движении было столько надежды, что у меня перехватило дыхание. Я прижал к груди кулон, который дала мне Kiladosha, и прошептал:— Я вернусь. Я обязательно вернусь. Город остался позади, а впереди была дорога, которая вела туда, где началась война. Третья война с Чечнёй. О ней говорили по радио, писали в газетах, обсуждали на улицах, но теперь она перестала быть просто словами в новостях. Теперь она стала моей реальностью, частью моей жизни, которую я не выбирал, но должен был пройти. И где-то глубоко внутри, среди страха и тяжести, было одно чувство, которое не давало сло-маться: любовь. Она была как свет в тёмной комнате, как тихий голос, который шептал: «Ты не один. За тобой есть дом. За тобой есть те, ради кого стоит держаться». Я закрыл глаза

и представил, как Kiladosha укладывает Элору спать, как её ушки чуть подрагивают, когда она напевает ей тихую колыбельную, как её хвост обвивает кровать, создавая невидимую стену между миром и их маленьким счастьем. Я представил, как она смотрит на дверь и ждёт, когда она откроется, и на пороге снова появлюсь я. И я пообещал себе: я сделаю всё, чтобы это случилось. Чтобы однажды снова войти в эту дверь, обнять их обоих и сказать: «Я вернулся. Теперь всё будет хорошо». Дорога тянулась вперёд, унося меня всё дальше от дома, но не от любви. Любовь оставалась там, где её нельзя было забрать, нельзя было разрушить, нельзя было стереть. Она жила в их глазах, в их голосах, в каждом их вздохе. И она будет ждать меня. Так же, как я буду держаться за неё, чтобы не потеряться в том, что ждёт впереди.

Глава 12 <первый страз перед смертью>

Небо над полем казалось неестественно серым — будто кто-то стёр с него все краски, оставив только пепел и пыль. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом гари, влажной земли и чего-то горького, что оседало на языке и заставляло сжиматься внутри от дурного предчувствия. Я стоял в окопе, вжавшись спиной в холодную глину, и пытался выровнять дыхание, но оно всё равно выходило рваным, сбитым, будто само тело знало: сейчас нельзя расслабляться ни на секунду. Рядом со мной сидели трое из нашего отряда. Один нервно щёлкал затвором автомата, будто проверял его в десятый раз за минуту. Второй смотрел куда-то вдаль, не моргая, будто пытался разглядеть в этой серой дымке что-то, что могло бы дать надежду. Третий — самый молодой из нас, почти мальчишка — тихо шептал себе под нос какие-то слова, может, молитву, а может, просто имена родных, чтобы не забыть, кто он и зачем здесь. Мы ждали. И это ожидание было страшнее любого выстрела. Вдруг воздух разорвал резкий, пронзительный звук — не похожий ни на что, что я слышал раньше. Он шёл сверху, нарастая с каждой секундой, и в нём было столько угрозы, что по спине пробежал ледя-

ной холод.— БПЛА! — крикнул кто-то, и этого хватило, чтобы весь мир сжался до одного инстинкта — прятаться, исчезать, становиться меньше. Я прижался к земле, накрыл голову руками, будто это могло защитить. И тут началось. Выстрелы ударили по ушам, как молоты, разрывая тишину на острые, звенящие куски. Пули свистели над головой, впивались в землю, поднимая фонтаны грязи и пыли, и казалось, что сама земля стонет от этого насилия. Я видел, как рядом дёрнулся один из парней — и не поднялся. Время будто растянулось: каждый миг стал тяжёлым, густым, как смола, и в каждом из них я успевал подумать о тысяче вещей сразу — о Kiladosha, об Эларе, о том, как глупо и страшно умирать вот так, не сказав напоследок ничего важного. А потом пришёл взрыв. Он ударил по всему телу не только звуком, но и волной — жёсткой, горячей, выжигающей воздух из лёгких. Земля под ногами содрогнулась, и на мгновение мне показалось, что мир просто развалился на части. В ушах звенело так, что собственные мысли звучали как далёкий, искажённый шёпот. Я поднял голову и увидел, как дым поднимается к небу, закрывая солнце, превращая день в сумерки. И в этот момент я впервые по-настоящему почувствовал страх перед смертью. Не абстрактный, не книжный, а живой, горячий, липкий страх, который сковывает мышцы и заставляет сердце биться где-то в гортани. Я вдруг понял: я могу не вернуться. Я могу просто исчезнуть здесь, в этой грязи, под этим серым небом, и никто не узнает, как именно это случилось. И от

этой мысли стало так больно, что хотелось кричать, но голос пропал. Ещё один взрыв грянул совсем близко. Земля взметнулась фонтаном, осколки просвистели рядом, один царапнул плечо — горячая, острая боль на секунду вернула меня в реальность. Я пополз вперёд, не разбирая дороги, лишь бы уйти от этого места, где смерть была так близко, что её можно было почувствовать на вкус. Внезапно надо мной возникла тень, и я замер, ожидая самого худшего. Но это были свои. Трое бойцов из соседнего подразделения выскочили из укрытия, прикрывая друг друга, и один из них резко схватил меня за воротник, дёргая вперёд. — Вставай! Бегом! Я не помнил, как мы бежали. Помню только, что ноги будто налились свинцом, а в груди не хватало воздуха. Помню вспышки выстрелов, мелькающие перед глазами силуэты, крики, которые сливались в один сплошной гул. Помню, как один из спасителей вдруг пошатнулся, схватился за бок и медленно осел на землю, а его товарищ на секунду замер, посмотрел на него, потом на меня, и рывкнул: — Не стой! Двигай! И я побежал. Мы укрылись в полуразрушенном доме — стены ещё держались, хотя в них зияли дыры, как пустые глазницы. Внутри пахло сыростью, пылью и чем-то затхлым, но здесь было тише. Здесь можно было на секунду перевести дух. Один из бойцов, седой и хмурый, с лицом, изборождённым морщинами, быстро осмотрел меня, проверил плечо, наскоро перетянул рану куском ткани. — Живой, — коротко бросил он, будто сам удивлялся этому факту. Я хотел что-то ска-

зять, но слова не шли. Вместо этого я просто кивнул, чувствуя, как дрожь, которую я сдерживал всё это время, наконец прорвалась наружу. Меня трясло так, что зубы стучали, и я ничего не мог с этим поделать. — Это нормально, — тихо сказал седой боец, заметив мою дрожь. — После такого трясёт всех. Главное, что ты не застыл. Ты побежал. Это значит, что ты хочешь жить. Я закрыл глаза, пытаюсь унять эту внутреннюю бурю. Перед внутренним взором снова и снова вспыхивали картины: как падал парень в окопе, как земля взлетала от взрыва, как небо становилось чёрным от дыма. И в каждой из этих картин я видел не только войну, но и то, что было по ту сторону — тёплый свет в нашем доме, смех Элары, взгляд Kiladosha, который всегда умел прогонять самые тёмные страхи. — Ты слышишь меня? — голос седого бойца прозвучал ближе, мягче. — Смотри на меня. Не уходи в себя. Здесь и сейчас. Мы в укрытии. Сейчас безопасно. Я заставил себя открыть глаза и посмотреть на него. Его лицо было усталым, измученным, но в глазах читалась твёрдость, которая держалась на опыте и боли. — Сколько их было... сколько не вернулось, — прошептал я, сам не зная, кому это говорю — ему, себе или кому-то ещё. Боец тяжело вздохнул и опустился рядом, опершись спиной о стену. — Много. Всегда много. И каждый раз кажется, что это уже слишком. Что больше не выдержишь. Но ты выдержишь. Потому что есть ради чего. Я сжал в кулаке кулон, который дала мне Kiladosha. Металл был тёплым от моего тела, и это тепло вдруг стало

якорем, который удерживал меня на плаву.— У меня дома жена и дочка, — сказал я, и голос мой звучал непривычно хрипло, будто я долго молчал и теперь заново учился говорить. — Я должен вернуться. Седой боец кивнул, будто услышал самое важное.— Вот и держись за это. Пусть это будет твой компас. Когда станет совсем темно, смотри на него и помни: тебя ждут. За стенами снова грохнуло, дом дрогнул, штукатурка посыпалась с потолка мелкой пылью. Кто-то из бойцов выругался вполголоса, другой проверил магазин автомата, третий выглянул в проём, оценивая обстановку. Хаос вокруг не утихал. Выстрелы, взрывы, крики, рёв двигателей, свист падающих снарядов — всё это сливалось в один бесконечный, оглушающий шум, в котором терялись человеческие голоса и оставались только инстинкты. Но теперь я знал: я не позволю этому шуму заглушить то, что держит меня здесь. Когда обстрел немного стих, мы снова двинулись вперёд, перебегая от укрытия к укрытию, прикрывая друг друга, стараясь не терять ни секунды. Я уже не бежал вслепую: теперь я бежал к чему-то. К дому. К тем, кто меня любит. К жизни, которую нельзя было просто так отдать этой серой, бездушной войне. На одном из перекрёстков мы наткнулись на остатки другого отряда. Несколько человек лежали неподвижно, накрытые кусками брезента. Один из наших бойцов молча снял каску и склонил голову, и в этом жесте было больше слов, чем в любых речах. Мы постояли минуту, отдавая эту молчаливую дань тем, кто уже не встанет, а

потом снова пошли вперёд — потому что оставаться на месте было нельзя. К вечеру мы добрались до временного штаба, где было относительно спокойно. Здесь пахло не гарью, а крепким чаем и металлом, здесь люди говорили тише, будто боялись спугнуть эту хрупкую тишину. Я сел на ящик, прислонился к стене и наконец позволил себе закрыть глаза. Но даже в темноте за веками я продолжал видеть вспышки выстрелов и слышать рёв взрывов. И только одно чувство помогало мне не сойти с ума от этого хаоса — любовь. Она была как тихий свет в самой тёмной комнате, как голос, который шептал: «Ты справишься. Ты вернёшься. Они ждут». Я достал кулон и сжал его в ладони. Представил, как Kiladosha сидит у окна, прислушиваясь к каждому звуку на улице, как Элара тянет ручки к свету, как их мир — наш мир — ждёт, когда я снова стану его частью. И тогда я понял: первый сильный страх перед смертью не сломал меня. Он показал мне, насколько сильно я хочу жить. И теперь это желание было не просто чувством — оно стало моей силой, моим щитом, моей клятвой. Я вернусь. Обязательно вернусь.

Глава 13 <захват грозного и смерть президента чечни>

Год пролетел, как один длинный, изматывающий бой — без пауз, без передышки, без права на слабость. Он состоял из сотен мелких, но невыносимо тяжёлых мгновений: из холода окопов, из вкуса сухого пайка, из тишины, которая наступала после обстрела и была страшнее самого грохота, потому что в этой тишине слышались голоса тех, кто уже не вернётся. И вот теперь этот год привёл меня сюда — к стенам Грозного, к самому сердцу той бури, которую мы пытались усмирить. Город изменился до неузнаваемости. Там, где раньше шумели рынки и звенели детские голоса, теперь лежали груды битого кирпича, торчали чёрные рёбра перекрытий, а улицы напоминали узкие, мрачные коридоры, в которых каждый угол мог таить опасность. Воздух был пропитан пылью, гарью и чем-то ещё — тяжёлым, горьким, будто сама земля устала и просила покоя. Мы шли вперёд, прикрывая друг друга, шаг за шагом отвоёвывая каждый метр. Рядом со мной был тот самый седой боец, который когда-то вытащил меня из-под огня и научил держаться, когда хочется просто упасть и больше не вставать. Его лицо стало ещё более изборозждённым морщинами, а взгляд — ещё более острым, буд-

то он научился видеть опасность даже в неподвижном воздухе.— Держи строй, — тихо бросил он, не оборачиваясь, и этого хватило, чтобы я снова собрался, прогнал из головы всё лишнее и сосредоточился на том, что было прямо передо мной: на проёме окна, на тени, мелькнувшей за разбитой рамой, на звуке, который был чуть громче, чем должен быть звук ветра. Приказ был чётким: взять центр, прорваться к резиденции. И мы шли, зная, что там, за этими стенами, решается не просто судьба дня, а судьба всего того, ради чего мы столько времени держались на ногах. Бой завязался внезапно, как это всегда бывает в городе: один выстрел — и тишина рассыпается на осколки, уступая место хаосу. Пули щёлкали по стенам, выбивая крошки бетона, свистели над головами, впивались в асфальт, оставляя чёрные шрамы. Мы перебежали от укрытия к укрытию, падали, откатывались, снова поднимались — не потому что были бесстрашными, а потому что остановиться означало сдаться, а сдаваться мы не имели права. В какой-то момент я оказался впереди, почти у самого входа в здание. Сердце колотилось так, что казалось, его слышат даже те, кто был по ту сторону баррикад. В голове стучала одна мысль, простая и упрямая: «Я должен. Ради них. Ради Kiladosha. Ради Элары». Внутри здания пахло сыростью, старой пылью и металлом. Лестницы вели вверх, теряясь в полумраке, и каждый шаг отдавался глухим эхом, будто само здание не хотело, чтобы мы поднимались выше. Но мы поднимались. На третьем этаже коридор сузился, и тут

нас встретили. Очередь из автомата ударила по стене рядом со мной, осколки впились в рукав, но я даже не почувствовал боли — она пришла позже, когда всё уже закончилось. Мы ответили огнём, прикрывая друг друга, и шаг за шагом продвигались вперёд, пока не оказались у тяжёлой двери, за которой, как нам говорили, находился центр управления. Седой боец кивнул мне, будто давая молчаливое разрешение быть тем, кто войдёт первым. Я сжал автомат крепче, сделал глубокий вдох, чтобы на секунду успокоить бешеный ритм сердца, и рванул дверь. Внутри было тихо. Слишком тихо для места, где, по всем расчётам, должно было кипеть напряжение. В комнате стоял тяжёлый стол, на стенах висели карты, а в углу, у окна, стоял человек в тёмном костюме — тот, кого мы искали. Его охрана рассыпалась по углам, но было видно, что сопротивление уже сломлено, что воля к борьбе иссякла, как вода в пересохшем колодце. Он поднял голову, посмотрел на нас, и в его взгляде не было ни страха, ни ненависти — только усталость, такая глубокая, что она казалась тяжелее любой злости. И в этот момент я вдруг понял: война выжигает всех, не разбирая, кто прав, а кто виноват. Она оставляет после себя только пепел и тишину, которую никто не умеет слушать. Всё закончилось быстро. Слишком быстро для того, что длилось целый год. Приказ был выполнен. Центр взят. Угроза, которая держала в напряжении столько людей, перестала существовать. Но вместо ликования в груди была странная пустота — не радость победы, а осо-

знание того, какой ценой она досталась. Когда мы вышли на улицу, небо уже темнело, окрашивая руины в мягкие, почти нежные оттенки фиолетового и серого. Город, казалось, наконец-то вздохнул, будто сбросил с плеч невыносимую тяжесть. Седой боец остановился рядом со мной, посмотрел на закат и тихо сказал:— Год назад я бы не поверил, что мы дойдём. Что сможем. Но мы дошли. И теперь надо научиться жить дальше. Не только выживать, а именно жить. Я кивнул, не находя слов. Внутри всё ещё гудело от напряжения, от грохота выстрелов, от криков, которые звучали в ушах даже сейчас, когда вокруг была почти тишина. Но среди этого гула пробивался другой звук — тихий, родной, тот, который я носил в себе весь этот год: голос Kiladosha, смех Элара, стук двери, когда я возвращаюсь домой. Через несколько дней, когда пыль осела, а приказы сменились распоряжениями о восстановлении, мне наконец дали возможность написать письмо. Бумага была грубой, карандаш — тупым, но это не имело значения. Важны были слова, которые я выводил медленно, стараясь, чтобы каждая буква была наполнена тем, что я не мог передать голосом: «Я жив. Я здесь. И я возвращаюсь. Не завтра, не через неделю, но скоро. Каждый день приближает меня к вам. Я помню каждое твоё слово, каждый твой взгляд, каждую мелочь, которая делает наш дом домом. Элара, наверное, уже говорит какие-то свои, особенные слова, и я хочу их услышать. Хочу обнять вас обоих и просто постоять, не думая ни о чём, кроме того, что вы ря-

дом. Этот год был самым тяжёлым в моей жизни. Он научил меня ценить тишину, тепло, простые вещи, которые раньше казались незаметными. Он научил меня тому, что любовь — это не только радость, но и сила, которая держит на ногах, когда сил уже нет. Я вернусь. Обещаю. Ваш». Письмо ушло с полевой почтой, и я смотрел, как его уносят, будто вместе с ним улетала часть моего сердца — та часть, которая всё это время жила там, дома, рядом с ними. Прошёл ещё месяц. Руины начали разбирать, улицы — очищать, в некоторых домах снова загорелся свет. Город учился дышать заново, и мы учились вместе с ним. Усталость не исчезла, она просто стала другой — не острой, разъедающей, а тихой, привычной, как шрам, который напоминает о пережитом, но уже не болит. И вот настал день, когда мне наконец сказали: «Ты свободен. Можешь ехать». Поезд шёл медленно, будто тоже не спешил нарушать ту хрупкую тишину, которая наконец-то начала устанавливаться внутри меня. Я смотрел в окно, на мелькающие пейзажи, на поля, на редкие деревни, на небо, которое становилось всё светлее, и чувствовал, как с каждым километром тяжесть, которую я нёс целый год, понемногу спадает с плеч. А потом я увидел знакомые улицы. Дом, который казался маленьким, но таким родным, что от одного его вида к горлу подступил комок. Дверь была приоткрыта, будто кто-то уже знал, что я иду, и не хотел терять ни секунды. Я вошёл, и время будто остановилось. В коридоре пахло домом — тем самым запахом, который невозможно спутать ни

с чем: смесью выпечки, свежести и чего-то неуловимо своего, личного. Kiladosha стояла у окна. Её кошачьи ушки чуть подрагивали, улавливая каждый звук, а хвост был плотно обвит вокруг талии, будто она пыталась удержать себя, чтобы не сорваться с места и не выбежать навстречу раньше времени. Она обернулась, и в её глазах вспыхнуло столько света, столько облегчения, что я на мгновение забыл, как дышать. Элара, уже заметно подросшая, сидела на ковре и перебирала игрушки. Услышав скрип двери, она подняла голову, посмотрела на меня большими, серьёзными глазами, будто пыталась вспомнить, кто этот человек, а потом вдруг улыбнулась — так открыто и радостно, что все мои страхи, все тяжёлые воспоминания рассыпались, как сухой песок под тёплым ветром. Она встала, сделала несколько неуверенных шагов и вдруг побежала ко мне, раскинув ручки. Хвостик её вилял, ушки дёргались от волнения, а из груди вырвался тихий, счастливый звук — то ли смех, то ли мурлыканье, в котором было столько жизни, столько тепла, что оно могло растопить любую тьму. Я опустился на колени, обнял их обеих, прижал к себе так крепко, будто боялся, что если отпущу хоть на секунду, они снова исчезнут. Kiladosha уткнулась мне в плечо, и я почувствовал, как её плечи вздрагивают от беззвучных слёз — слёз облегчения, слёз счастья, слёз, которые смывали весь тот ужас, что мы пережили порознь. — Ты вернулся, — прошептала она, и в этих словах было столько смысла, что они заменили тысячи других. — Я вернулся, — отве-

тил я, закрывая глаза и вдыхая этот родной запах, слушая тихое мурлыканье Элары, чувствуя, как хвост Kiladosha обвивает нас обоих, создавая невидимую, но самую надёжную защиту. Год войны остался позади. Впереди была жизнь — не идеальная, не простая, но настоящая. Жизнь, в которой есть место боли и радости, страху и надежде, но главное — в которой есть любовь. Та самая, ради которой стоит держаться, ради которой стоило пройти через всё. И теперь я знал: мы справимся. Вместе.

Глава 14 <страшный сон>

Ночь накрыла дом тяжёлым, бархатным покрывалом, в котором тонули все привычные звуки. Не было слышно ни ветра, ни далёких машин, ни даже тиканья часов — будто весь мир затаил дыхание, чтобы не спугнуть хрупкий покой, который наконец-то поселился в нашем доме после моего возвращения. Я лежал рядом с Kiladosha, слушал её тихое, ровное дыхание и чувствовал, как её пушистый хвост лениво обвивает моё запястье — лёгкий, тёплый, словно обещание: «Ты дома. Ты в безопасности». Элара спала в своей кровати, и время от времени до нас доносилось её тихое мурлыканье — оно было похоже на шёпот счастья, который не хочет никого разбудить. Я закрыл глаза, думая, что сейчас наконец-то смогу провалиться в глубокий, спокойный сон — в тот самый, который так долго был мне недоступен среди грохота войны, криков и бесконечного напряжения. Но вместо этого я провалился в темноту, которая была не мягкой, а колючей, острой, будто сотканной из осколков воспоминаний. Сначала всё было привычно: я снова стоял в окопе, сжимал автомат, чувствовал, как холодный металл впивается в ладони, и прислушивался к каждому шороху, потому что любой из них мог стать последним. Вокруг пахло гарью и сырой землёй, небо было неестественно низким, будто хотело придавить нас к земле. Я знал этот пейзаж до мельчайших деталей,

помнил каждую выбоину на дороге, каждый пролом в стене, каждую тень, которая могла скрывать опасность. Но потом всё начало меняться. Знакомые очертания руин расплылись, стены стали выше, улицы — уже, а воздух — тяжелее, будто его пропитали свинцом. Я огляделся, пытаюсь найти хоть что-то знакомое, но не находил. Даже небо стало другим — чёрным, беззвёздным, словно кто-то выключил свет во всей вселенной. И тут я услышал звук. Тихий, едва уловимый, он прокатился по пустым улицам, как предвестник беды. Это был не выстрел, не взрыв, не крик — это был звук, от которого внутри всё сжималось от первобытного, животного ужаса. Он нарастал, становился громче, заполняя собой всё пространство, пока не превратился в оглушающий рёв, который заглушал даже стук моего сердца. Я попытался пошевелиться, но ноги будто налились свинцом, а руки стали чужими, непослушными. Я звал на помощь, кричал, выкрикивал имена тех, кто был мне дорог, но мой голос тонул в этом рёве, исчезал, не успев сорваться с губ. А потом я увидел их. Тени. Они скользили между руинами, бесформенные, безликие, но в их движениях было столько угрозы, что волосы на затылке вставали дыбом. Они приближались, медленно, неумолимо, будто знали, что бежать мне некуда. Одна из теней остановилась прямо передо мной. В ней не было ни лица, ни глаз, ни даже намёка на человеческую форму — только клубящаяся тьма, которая, казалось, пожирала сам воздух вокруг себя. И вдруг из этой тьмы прозвучал голос —

холодный, равнодушный, чужой:— Ты думал, что сможешь убежать? Ты думал, что дом спасёт тебя? Дом — это просто стены. А смерть приходит туда, где её меньше всего ждут. Я хотел возразить, хотел закричать, что они не правы, что меня ждут, что у меня есть ради чего жить, но слова застряли где-то в горле, тяжёлые и горькие. Тень протянула руку — или то, что должно было быть рукой, — и коснулась моего плеча. Прикосновение было ледяным, оно проникало сквозь одежду, кожу, мышцы, добираясь до самой сути, до того места, где жила надежда. И как только оно коснулось этой надежды, она погасла, как свеча под порывом ледяного ветра. Мир вокруг начал рассыпаться. Руины превратились в пыль, пыль — в пустоту, а пустота поглотила всё: звуки, запахи, цвета, саму возможность чувствовать. Я больше не видел теней, не слышал рёва, не чувствовал холода — я вообще ничего не чувствовал. Только пустоту, холодную и бесконечную, которая заполняла меня изнутри, вытесняя всё, что делало меня живым. И тогда я понял: я умираю. Не в бою, не от пули, не от взрыва — а здесь, в этой пустоте, где нет ни времени, ни пространства, ни смысла. И самое страшное было не в самой смерти, а в том, что никто не придёт на помощь. Ни союзники, ни друзья, ни даже те, кто любил меня больше всего на свете. Они были где-то там, за пределами этой пустоты, в мире, который теперь казался мне далёким и недосягаемым, как звезда на другом краю вселенной. Я звал их. Шептал, кричал, выл от отчаяния, но мой голос растворялся

в тишине, не достигая никого. Kiladosha не слышала меня. Элара не бежала ко мне, раскинув ручки. Дом не ждал меня. Пустота становилась всё плотнее, всё холоднее, пока наконец не сомкнулась вокруг меня окончательно, отрезая последние нити, которые ещё связывали меня с жизнью. И в тот момент, когда я уже смирился с тем, что это конец, что я останусь здесь навсегда, в этой ледяной тишине, где нет ни боли, ни надежды, ни любви, я вдруг почувствовал что-то тёплое. Это было лёгкое прикосновение к моей руке. Не холодное, как у тени, а тёплое, живое, настоящее. Оно было едва уловимым, будто кто-то просто положил ладонь на мою кисть, чтобы напомнить: «Ты не один». И вдруг пустота начала отступать. Она не исчезла сразу, не рассыпалась в прах, а медленно, неохотно отползала, уступая место чему-то другому — звукам, запахам, ощущениям. Сначала я услышал тихий, едва уловимый звук — не рёв пустоты, а мягкое, ритмичное мурлыканье. Потом почувствовал запах — не гари и пыли, а чего-то родного, домашнего, того, что бывает только в нашем доме. Потом увидел свет — не яркий, слепящий, а тёплый, золотистый, похожий на свет лампы, которую Kiladosha зажигает по вечерам, чтобы в комнате было уютно. Пустота сопротивлялась, пыталась удержать меня, цеплялась за меня холодными щупальцами, но тепло, звук и свет были сильнее. Они тянули меня назад, в мир, где меня ждали. Я открыл глаза. Комната была такой же, какой я её запомнил: с мягкими тенями, с лунным светом, который

ложился на пол неровными квадратами, с плюшевой игрушкой, которую Элара любила таскать за хвост. Kiladosha лежала рядом, её кошачьи ушки чуть подрагивали во сне, а хвост всё так же обвивал моё запястье, но теперь я чувствовал в этом не просто уют, а защиту, якорь, который удержал меня и не дал пропасть в той пустоте. Элара в своей кроватке снова тихо мурлыкала, и этот звук был самым прекрасным, самым дорогим звуком на свете, потому что он означал, что я вернулся. Что я здесь. Что я жив. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди, а по щекам катились слёзы — не от страха, а от облегчения, от благодарности за то, что этот кошмар закончился, что это был всего лишь сон. Kiladosha пошевелилась, приоткрыла глаза, посмотрела на меня, и в её взгляде сразу появилось беспокойство. — Что случилось? — прошептала она, приподнимаясь на локте и протягивая руку, чтобы коснуться моего лица, убедиться, что я настоящий, что я здесь. Я схватил её руку, прижал к своей груди, туда, где бешено колотилось сердце, и прошептал, глотая слёзы: — Мне приснился кошмар. Такой страшный... Мне казалось, что я умираю, и никто не может меня спасти. Что я остаюсь там, в темноте, навсегда. Она не стала говорить пустых слов вроде «это всего лишь сон» или «не думай об этом». Вместо этого она просто притянула меня к себе, крепко обняла, прижала мою голову к своему плечу, и её хвост обвился вокруг нас обоих, создавая невидимую стену между нами и всем тем ужасом, который ещё жил где-то на краю сознания. — Я

здесь, — тихо сказала она, глядя меня по волосам, по спине, по плечам, будто хотела стереть все следы этого кошмара одним своим прикосновением. — И я никогда не оставлю тебя. Даже если мир рухнет, даже если всё исчезнет, я буду рядом. Ты не останешься один. Никогда. Я уткнулся лицом в её плечо, вдыхая родной запах, слушая, как ровно и спокойно бьётся её сердце, и постепенно мой собственный пульс замедлялся, возвращаясь к нормальному ритму. Элара, почувствовав перемену в воздухе, приподнялась в кровати, посмотрела на нас большими, серьёзными глазами, потом снова легла, прижала ушки к голове и тихо, успокаивающе мурлыкнула — будто хотела сказать: «Всё хорошо. Вы здесь. Мы вместе». И в этот момент я понял одну вещь, которая была важнее любых побед, любых подвигов, любых громких слов. Важнее всего было это: тепло, которое не даёт пропасть в темноте; голос, который зовёт назад, когда кажется, что пути уже нет; руки, которые держат, даже когда ты сам не можешь держаться. Кошмар закончился. Пустота отступила. А здесь, в нашем маленьком, но таком огромном мире, меня ждали те, кто любил меня просто за то, что я есть. И этого было достаточно, чтобы снова научиться дышать, снова поверить, что впереди есть не только боль и страх, но и свет, и тепло, и жизнь. Я обнял Kiladosha крепче, поцеловал её в висок и прошептал: — Спасибо, что ты здесь. Спасибо, что не дала мне пропасть. Она улыбнулась, прижалась ко мне и закрыла глаза. — Спи, — тихо сказала она. — Я буду рядом. Я буду

слушать твоё дыхание. И если кошмар вернётся, я прогоню его. И я закрыл глаза, зная, что на этот раз сон будет спокойным. Потому что теперь я знал: даже в самой глубокой темноте есть свет. Даже в самом страшном кошмаре есть тот, кто протянет руку и скажет: «Я с тобой». И этого было достаточно.

Глава 15 <обида>

День начинался так, будто нарочно хотел притвориться идеальным. Солнце заливало комнату тёплым, медовым светом, на подоконнике лениво грелся маленький солнечный зайчик, а воздух был наполнен запахом свежей выпечки — Kiladosha с утра пораньше затеяла печь свои любимые булочки с корицей, потому что знала: они всегда поднимают мне настроение. Элара сидела на ковре, перебирала плюшевые игрушки и тихонько мурлыкала себе под нос, время от времени дёргая ушками, когда из кухни доносился особенно звонкий звук. Я стоял у окна, смотрел, как медленно плывут по небу облака, и чувствовал, как внутри понемногу тает та тяжесть, которая ещё цеплялась за меня после страшного сна из прошлой ночи. Хотелось просто быть здесь, в этом тёплом, тихом мире, где всё понятно, всё родное и всё на своих местах. — Ты сегодня какой-то задумчивый, — сказала Kiladosha, выходя из кухни с полотенцем в руках. Её кошачьи ушки чуть приподнялись, улавливая малейшие оттенки моего настроения, а хвост лениво покачивался из стороны в сторону, выдавая лёгкое любопытство. Я улыбнулся, стараясь выглядеть спокойнее, чем чувствовал себя на самом деле. — Просто думаю... о разном. О том, как здорово, что мы снова все вместе. Что всё наконец-то нормально. Она подо-

шла ближе, остановилась напротив, внимательно посмотрела на меня своими глубокими, почти чёрными глазами, в которых всегда было столько понимания, что иногда казалось, будто она видит не только мои слова, но и все мысли, которые я не решаюсь произнести вслух.— Если хочешь, можем вообще ни о чём не думать. Можем просто сидеть, есть булочки и смотреть, как Элара пытается научить плюшевого кота мурлыкать. Я рассмеялся, и этот смех прозвучал неожиданно искренне, будто прорвался сквозь все слои тревоги и усталости.— Звучит как идеальный план. Мы устроились на полу рядом с Эларой, разложили подушки, поставили тарелку с булочками, и на несколько минут всё действительно стало идеальным. Элара радостно тянула ко мне ручки, требовала кусочек булочки, а потом, получив его, прижимала уши к голове от удовольствия и начинала мурлыкать так громко, что казалось, будто в комнате завелся маленький, очень довольный моторчик. Kiladosha улыбалась, её хвост обвивал ноги, создавая ощущение уюта, почти как одеяло, только живое и тёплое. Но потом я совершил ошибку. Глупую, случайную, ту самую, которая рушит идеальный момент одним неосторожным словом. Элара потянулась к игрушке, которая лежала чуть дальше, не смогла дотянуться и тихо, обиженно пискнула. Я тут же наклонился, чтобы подать ей игрушку, и, не задумываясь, пробормотал:— Вот, держи, Света... то есть, Элара! Прости, солнышко, я перепутал. Слово «Света» повисло в воздухе, как тяжёлый, холодный камень,

который вдруг упал посреди тёплого ковра и испортил всю картину. Я даже не сразу понял, что случилось. Только когда поднял глаза на Kiladosha, увидел, как всё в ней мгновенно изменилось. Её кошачьи ушки резко прижались к голове — так она делала только тогда, когда чувствовала боль или обиду. Хвост, ещё секунду назад мягкий и расслабленный, теперь был напряжён, вытянут, будто готов был хлестнуть по воздуху. В её глазах вспыхнуло что-то острое, колющее — не ярость, а именно обида, та самая, которая ранит сильнее любого крика. — Света? — тихо переспросила она, и это слово прозвучало так, будто оно было не именем, а чем-то неприятным, горьким, царапающим изнутри. Я тут же понял, какую глупость совершил. Кровь бросилась в лицо, стало жарко и одновременно холодно, будто я одновременно горел и замерзал. — Прости, прости, пожалуйста, — забормotal я, пытаюсь исправить то, что уже нельзя было исправить одним словом. — Это случайно. Я вообще не думал... Просто Элара потянулась, а я вспомнил... Нет, не вспомнил, просто язык сам сказал, я не хотел... Kiladosha медленно поднялась, отошла на шаг, будто хотела увеличить расстояние между нами, чтобы боль не передавалась так сильно. Её плечи были напряжены, а движения стали резкими, угловатыми, совсем не такими плавными и мягкими, как обычно. — Ты назвал её Светой, — повторила она, и в её голосе не было крика, но от этой тихой, сдержанной горечи становилось только хуже. — Это просто оговорка, — прошептал я, чув-

ствуя, как внутри всё сжимается от осознания, что я сделал ей больно, даже не желая этого. — Я не думал о ней. Правда. Для меня есть только ты. И Элара. Только вы. Kiladosha покачала головой, будто пыталась стряхнуть с себя это слово, как стряхивают каплю воды с уха. Её хвост нервно подёргивался, выдавая внутреннее напряжение, которое она старалась держать под контролем. — Знаешь, что самое обидное? — тихо сказала она, глядя куда-то мимо меня, будто не могла заставить себя смотреть мне в глаза. — Не то, что ты её вспомнил. А то, что это имя сорвалось с твоего языка так легко. Будто оно всё ещё живёт где-то внутри тебя, будто ты не до конца его отпустил. Я хотел возразить, хотел сказать, что это не так, что я давно отпустил всё прошлое, что для меня существует только наша жизнь, только наш дом, только они с Эларой. Но слова застревали где-то в горле, потому что я понимал: неважно, что я скажу сейчас, важно то, что она почувствовала в ту секунду, когда услышала это имя. И это чувство нельзя стереть никакими объяснениями. Элара, почувствовав, что воздух в комнате стал другим — тяжёлым, колючим, не таким уютным, — перестала мурлыкать, прижала ушки к голове и посмотрела на нас большими, испуганными глазами. Она не понимала, что происходит, но чувствовала, что что-то сломалось в том тёплом мире, который она так любила. — Я не хотел тебя ранить, — снова сказал я, на этот раз тише, стараясь, чтобы в голосе не было ни оправданий, ни раздражения, только искренность. —

Если бы я мог забрать это слово обратно, я бы забрал. Но я не могу. И мне очень жаль. Kiladosha наконец посмотрела на меня, и в её взгляде было столько боли, что на секунду мне показалось, будто я вижу не её, а ту маленькую девочку, которой когда-то сделали больно, и эта боль никуда не ушла, она просто научилась прятаться за силой и уверенностью. — Мне нужно немного побыть одной, — сказала она, отводя взгляд и делая ещё один шаг назад. — Просто... мне нужно время, чтобы это перестало колоть. Я кивнул, не пытаюсь её остановить. Понял, что сейчас любые слова будут лишними, что ей нужно пространство, чтобы снова почувствовать себя в безопасности, чтобы понять, что эта случайная оговорка не значит ничего, кроме того, что я просто неуклюжий и иногда говорю не то, что нужно. Она ушла в другую комнату, тихо прикрыв за собой дверь, и этот тихий щелчок прозвучал громче любого крика. В комнате сразу стало пусто, хотя Элара всё ещё сидела на ковре, смотрела на меня и будто ждала, что я сейчас всё исправлю, сделаю так, чтобы снова стало хорошо. Я сел рядом с ней, притянул её к себе, обнял, уткнулся носом в её пушистые волосы и вдохнул этот родной, сладкий запах. Её хвостик слабо вилял, пытаюсь вернуть себе ощущение уюта, а ушки всё ещё были прижаты к голове, выдавая тревогу. — Всё будет хорошо, малышка, — прошептал я ей, хотя не был уверен, что это правда именно сейчас. — Мама просто немножко обиделась. Но она нас любит. И мы её любим. Остаток дня тянулся медленно, буд-

то время решило наказать меня за мою неосторожность. Я старался не шуметь, не делать резких движений, не говорить ничего лишнего. Прибрал игрушки, помыл чашки, посидел с Эларой, пока она укладывалась спать, напевая ей тихую колыбельную, которую Kiladosha придумала сама. Когда Элара наконец закрыла глаза и её дыхание стало ровным, я тихо вышел из комнаты и остановился у двери, за которой сидела Kiladosha. Хотелось постучать, хотелось сказать ещё хоть что-нибудь, чтобы стереть эту обиду, сделать её меньше, превратить в пустяк. Но я понимал, что сейчас важнее не слова, а уважение к её чувствам. Поэтому я просто сел на пол у двери, прислонился спиной к стене и прошептал в тишину:— Прости меня. Я буду здесь. Если захочешь поговорить — я тут. Если не захочешь — я всё равно тут. Прошла минута, другая, третья. За окном медленно темнело, зажигались первые звёзды, а в доме становилось всё тише. И вдруг дверь тихо скрипнула. Она приоткрылась ровно настолько, чтобы я мог увидеть её силуэт в полумраке. Её ушки всё ещё были чуть прижаты, выдавая остаточную обиду, но хвост уже не был напряжённым — он мягко обвился вокруг лодыжки, как будто сам хотел вернуть ощущение дома. В её глазах не было прежней колючести, только усталость и желание, чтобы всё снова стало как раньше.— Не сиди на полу, — тихо сказала она, протягивая мне руку. — Простудишься. Я взял её руку, поднялся, не отпуская её пальцев, и почувствовал, как напряжение, сковывавшее меня весь день, понемногу начи-

нает таять.— Прости ещё раз, — сказал я, глядя ей прямо в глаза, чтобы она видела: я не прячу взгляд, не пытаюсь уйти от ответственности. — Я не хотел причинить тебе боль. Ни за что на свете. Она вздохнула, будто выпустила наружу весь тот воздух, который держала внутри, чтобы не расплакаться. Её хвост медленно обвился вокруг моей талии, притягивая меня ближе, но не крепко, осторожно, будто проверял: можно ли снова доверять этому теплу.— Я знаю, что не хотел, — прошептала она, опуская взгляд, а потом снова поднимая его, чтобы встретиться со мной глазами. — Просто... когда слышишь такое имя, сразу кажется, что ты не единственная. Что где-то есть что-то, что тянет тебя назад. Я прижал её к себе, крепко, но бережно, так, чтобы она чувствовала: я не собираюсь никуда уходить, не собираюсь оставлять её одну с этой обидой.— Нет, — тихо сказал я, уткнувшись в её волосы, вдыхая этот родной запах, который был дороже любых слов. — Ты — моя единственная. Ты и Элара. Всё моё настоящее — это вы. А прошлое... оно осталось там, где ему и место. В прошлом. Она прижалась ко мне, спрятала лицо у меня на груди, и я почувствовал, как её плечи вздрагивают — не от злости, а от облегчения, от того, что боль наконец-то нашла выход и перестала давить изнутри. Её кошачьи ушки постепенно расправились, возвращая себе привычную форму, а хвост обвился вокруг нас обоих, замыкая круг, который никто не должен был разорвать. Мы стояли так долго, слушая, как затихает дом, как где-то вдалеке проезжает оди-

нокая машина, как тихо дышит Элара в своей кровати. И в этом спокойствии, в этом тепле, которое снова вернулось, было столько силы, что любые обиды казались маленькими и незначительными.— Больше никаких имён из прошлого, — тихо пообещал я, целуя её в висок, в лоб, в щёку, стараясь каждым прикосновением стереть ту боль, которую нечаянно причинил. Она улыбнулась, слабо, но искренне, и приложила ладонь к моей щеке, будто хотела убедиться, что я настоящий, что я здесь, рядом, и никуда не исчезну.— Хорошо, — прошептала она. — Только наше. Только то, что принадлежит нам. И в эту минуту я понял, что настоящая близость — это не только радость и счастье. Это ещё и умение признавать свои ошибки, просить прощения и принимать его. Это умение стоять у закрытой двери и ждать, когда её откроют. И это тепло, которое возвращается, когда два человека решают: мы важнее любой случайной оговорки, любой старой тени из прошлого. Мы прошли в комнату, сели на диван, укрылись одним пледом, и Kiladosha положила голову мне на плечо, а её хвост уютно обвился вокруг наших ног. Где-то в глубине дома тикали часы, отсчитывая секунды, которые теперь снова принадлежали нам двоим. Обида не исчезла в одну секунду. Она не могла исчезнуть так быстро. Но она перестала быть стеной между нами. Теперь она была просто маленькой, колючей тенью, которую можно было отогнать светом наших слов, наших прикосновений, нашей любви, которая умела быть не только яркой и счастливой, но и терпеливой,

и бережной, и готовой снова и снова выбирать друг друга — даже в те моменты, когда всё шло не так. И я знал: впереди будут новые дни, новые разговоры, новые маленькие ссоры и новые примирения. Но главное — мы будем проходить через них вместе. Потому что наш дом — это не просто стены и крыша. Это место, где можно ошибиться, можно обидеться, можно поплакать, а потом снова прижаться друг к другу и прошептать: «Прости». И услышать в ответ: «Я прощаю. Я здесь». И этого было достаточно.

Глава 16 <порезы на запястье у kiladosha>

****Важно:**** если в реальной жизни вы или кто-то из ваших близких сталкивается с мыслями о самоповреждении — обязательно обратиться за помощью. В России можно позвонить на бесплатную круглосуточную линию психологической поддержки: ****88002000122**** (телефон доверия). Также можно поговорить со взрослым, которому доверяете: с родителем, учителем, школьным психологом. Боль можно прожить по-другому — с поддержкой специалистов. С уважением команда AdelinPsycholog ---

Глава 16. Порезы на запястье В доме стояла непривычная тишина. Не та уютная, когда все рядом, дышат спокойно, и даже молчание звучит как часть общего покоя. А другая — острая, звенящая, будто воздух натянулся, как струна, и вот-вот лопнет от малейшего звука. Элара сидела на ковре и перебирала игрушки, но делала это без своего обычного радостного мурлыканья: ушки были прижаты, а хвостик вяло лежал сбоку, будто она чувствовала, что что-то не так, и старалась быть как можно тише. Kiladosha сидела у окна, закутанная в своё любимое тёмносерое худи — такое большое, что рукава свисали почти до середины ладоней, а капюшон скрывал кошачьи ушки, оставляя только тень лица и блеск глаз, в которых сейчас не было привычного тепла. Она смотрела в окно, туда, где по стеклу медленно ползла капля дождя, и казалось, что она следит за ней, как за чем-то бесконечно важным, лишь бы не смотреть ни на меня, ни внутрь себя. Я стоял в дверях, не решаясь подойти ближе. За последние дни мы будто научились обходить друг друга в собственном доме: не задевать плечом, не встречаться взглядами, не произносить лишних слов, потому что любое слово могло стать той самой искрой, от которой вспыхнет ссора. Но сегодня тишина была слишком тяжёлой, она давила на виски, заставляла сжимать и разжимать кулаки, будто тело само

искало, куда деть эту нарастающую тревогу. — Kiladosha, — тихо позвал я, и мой голос прозвучал в этой тишине слишком громко, неестественно громко, как будто дом не хотел его слышать. Она чуть повернула голову, но не посмотрела прямо, а скользнула взглядом по стене, по полке, по чему угодно, только не на меня. — Что? В этом «что» не было злости. Была усталость. И ещё что-то колющее, спрятанное глубоко, что резало не криком, а тишиной. Я сделал шаг вперёд, потом ещё один, остановился рядом, но не сел, не потянулся к ней, потому что боялся, что любое движение будет воспринято как вторжение. — Ты... всё в порядке? Ты как-ято... отстранённая. Она хмыкнула, но в этом звуке не было веселья — только горькая усмешка. — Отстранённая? Да, наверное. Просто думаю. — О чём? Она пожала плечами, и этот жест был таким безразличным, что внутри всё сжалось. — Да так... о разном. О том, что иногда кажется, будто всё держится на ниточке. И стоит дёрнуть чуть сильнее — и всё рассыплется. Я хотел сказать что-то ободряющее, что-то вроде «не рассыплется, я держу», но слова застряли в горле, потому что я вдруг понял: она не ждёт ободрения. Она ждёт, чтобы её просто услышали. Без попыток исправить, без «всё будет хорошо», без торопливых обещаний. И тут я заметил это. Рука. Её левая рука лежала на подоконнике, и рукав худи чуть сполз вниз, обнажив запястье. И на нём были порезы. Маленькие, аккуратные, будто кто-то провёл по коже не лезвием, а тонкой, острой иглой. Они не были глубокими,

но их было несколько, и они шли параллельно друг другу, как строчки в тетради, которые кто-то старательно выводил, пытаясь уложить мысли в ровные линии. Внутри всё оборвалось. Я почувствовал, как кровь отливает от лица, а в груди становится холодно и пусто, как будто из неё вытащили что-то жизненно важное. — Kiladosha... Она резко опустила рукав, натянула его почти до кончиков пальцев, будто хотела спрятать не только кожу, но и саму мысль о том, что кто-то это увидел. Её ушки прижались к голове, а хвост дёрнулся, обвиваясь вокруг ноги, как щит. — Не смотри, — прошептала она, и в этом шёпоте было столько боли, что он ударил сильнее любого крика. Я опустился на колени перед ней, не касаясь, просто чтобы быть на одном уровне, чтобы она видела: я не нависал, не давил, не пытался заставить. — Я не буду ругать. Не буду кричать. Просто скажи... почему? Она закрыла глаза, будто пыталась спрятаться за веками, удерживать слёзы, не дать им пролиться. — Потому что... потому что боль внутри слишком громкая. И когда появляется другая боль, эта, снаружи, она как будто заглушает ту, настоящую. На минуту. На секунду. И этого хватало, чтобы снова сделать вдох. Каждое её слово падало в тишину, как камень в воду, и круги от них расходились, задевая всё вокруг: Элору, которая замерла, прижав ушки к голове; стены нашего дома, которые вдруг перестали быть надёжными; меня, который не знал, как собрать всё это обратно, как вернуть тепло, которое вытекло из комнаты вместе с этой тишиной. — Ты не

должна справляться с этим одна, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, спокойно, чтобы она не почувствовала во мне панику, которая на самом деле билась где-то в горле, царапая изнутри. Она открыла глаза, посмотрела на меня, и в её взгляде было столько уязвимости, столько страха быть непонятой, что на секунду мне показалось, будто я вижу её совсем маленькой, потерянной, ищущей хоть кого-то, кто скажет: «Я с тобой». — А если ты не поймёшь? Если скажешь, что это глупо? Что я должна просто взять и перестать чувствовать то, что чувствую? Я покачал головой, медленно, чтобы она успела увидеть: я не отмахиваюсь, я не тороплюсь. — Я не скажу, что это глупо. Потому что для тебя это не глупо. Для тебя это способ выжить в ту секунду, когда кажется, что иначе никак. Но... я хочу, чтобы ты знала: есть другие способы. Не такие, которые оставляют шрамы. Она вздохнула, и этот вздох был таким тяжёлым, будто она носила эту тяжесть давно, и только сейчас позволила ей немного выйти наружу. — Я не хотела, чтобы ты видел. Не хотела, чтобы ты смотрел на меня и думал: «Она сломалась». Я протянул руку, но не коснулся её, а просто оставил ладонь рядом, открытой, предлагая выбор: хочешь — возьми, не хочешь — оставь. — Ты не сломалась. Ты просто очень устала. И тебе больно. Это не одно и то же. Её взгляд скользнул по моей руке, задержался на ней, потом снова поднялся к моим глазам. В них мелькнуло что-то похожее на надежду, такую хрупкую, что казалось, её можно сдуть одним неосторожным словом.

— Откуда ты знаешь? — Потому что я тоже уставал. И мне тоже бывало так больно, что хотелось просто исчезнуть. Но я понял одну вещь: когда рядом есть кто-то, кто не отворачивается, когда видит твою боль, становится чуточку легче. Не сразу. Не волшебным образом. Но легче. Она медленно, будто проверяя, можно ли доверять этому теплу, положила свою руку поверх моей. Её пальцы были холодными, а кожа на запястье под рукавом казалась такой тонкой, будто могла порваться от любого прикосновения. — Прости, — прошептала она, и голос её дрогнул. — Прости, что прятала. Что не сказала сразу. Я накрыл её руку второй ладонью, согревая, стараясь передать ей хоть немного своего тепла, своего спокойствия. — Тебе не за что просить прощения за то, что тебе больно. Но спасибо, что не оттолкнула. Спасибо, что позволила мне быть рядом. Элара, которая всё это время сидела тихо, вдруг встала, подошла к нам и прижалась к ноге Kiladosha, уткнулась носом в ткань худи, будто хотела забрать часть этой тяжести на себя, как умеют делать только дети — без слов, просто своим присутствием. Kiladosha опустила руку, погладила её по голове, и её кошачьи ушки чуть расправились, возвращая себе привычную форму, а хвост мягко обвился вокруг нас троих, замыкая круг. — Я не хочу, чтобы вы видели меня такой, — тихо сказала она, глядя на Элара, а потом снова на меня. — Хочу быть сильной. Хочу быть той, которая всегда знает, что делать. Я наклонился, поцеловал её в висок, туда, где под кожей бился пульс, такой быстрый, такой жи-

вой, и прошептал: — Ты и так сильная. Сильная не потому, что никогда не падаешь, а потому, что, упав, поднимаешься. И потому, что позволяешь себе быть неидеальной. Нам не нужна идеальная мама и идеальная жена. Нам нужна настоящая. Та, которая плачет, когда тяжело. Та, которая просит о помощи. Та, которая знает: её не бросят. Она прислонилась ко мне, положила голову на моё плечо, и я почувствовал, как её плечи вздрагивают от беззвучных слёз. Я обнял её, крепко, но бережно, чтобы она чувствовала: я держу, я не отпущу. Элара прижалась с другой стороны, и мы стояли так втроём, пока тишина в комнате не начала меняться, пока из острой, колючей она не стала тихой, тёплой, нашей. Позже, когда Kiladosha немного успокоилась, я тихо спросил: — Можно я посмотрю? На запястье. Не чтобы ругать, не чтобы пугать. Просто... чтобы убедиться, что всё в порядке. И если нужно, обработать. Она кивнула, не поднимая глаз, и медленно закатала рукав. Порезы были небольшими, уже подсохшими, но вокруг них кожа была воспалённой, будто сама пыталась бороться с тем, что с ней сделали. Я принёс аптечку, аккуратно обработал ранки, стараясь не причинить лишней боли, заклеил их тонкими пластырями, а потом снова натянул рукав худи, чтобы ей было уютно, чтобы она чувствовала себя защищённой. — Мы пойдём к специалисту, — сказал я мягко, но твёрдо. — Не потому что ты «сломалась», а потому что иногда одной силы воли недостаточно. Иногда нужна помощь того, кто знает, как помочь прожить эту боль

подругому. И я пойду с тобой. Каждую минуту. Она снова кивнула, и в этом кивке было столько доверия, что оно стало для меня важнее любых слов. — Хорошо, — прошептала она. — Если ты будешь рядом... я попробую. Мы сели на диван, укрылись одним пледом, и Kiladosha прижала к себе Элору, а я обнял их обоих, чувствуя, как постепенно уходит напряжение, как тело перестаёт быть сжатой пружиной, готовой сорваться от любого звука. Элора тихо мурлыкала, уткнувшись носом в худи Kiladosha, и этот звук был самым лучшим лекарством, самым надёжным доказательством того, что мы вместе, что мы справимся. — Знаешь, что самое важное? — тихо сказал я, глядя на них, на их переплетённые хвостики и ушки, на то, как они доверчиво прижимаются друг к другу. — Мы не обязаны быть идеальными. Мы просто должны быть честными друг с другом. И не прятать свою боль в тёмных углах. Потому что, когда ты её прячешь, она растёт. А когда ты говоришь о ней, она теряет силу. Kiladosha улыбнулась, слабо, но искренне, и приложила ладонь к моей щеке, будто хотела запомнить это тепло, сохранить его на тот случай, если снова станет холодно. — Спасибо, — прошептала она. — За то, что не отвернулся. За то, что не стал читать нотации. За то, что просто... был. Я поцеловал её пальцы, потом прижал их к своей груди, туда, где ровно и спокойно билось сердце, и сказал: — Я всегда буду. Даже когда тебе кажется, что ты одна. Даже когда ты прячешь рукава худи до самых пальцев. Я буду рядом. И мы найдём способ,

как сделать так, чтобы боль не становилась громче тебя. И в этот момент я понял: наша семья — это не стены и не крыша. Это умение видеть друг друга даже в темноте. Это смелость сказать: «Мне тяжело». И это тихая, упрямая вера в то, что вместе можно пройти через любую бурю, шаг за шагом, дыхание за дыханием, пока небо снова не станет светлым. А свет обязательно вернётся. Потому что там, где есть любовь, даже самая тёмная ночь не длится вечно.

Глава 17 <защита для Элары>

Солнце уже не жарило, как в середине лета, а светило мягко, поосеннему — тёпло и спокойно, будто старалось напоследок согреть каждый уголок двора. Листья на деревьях начали чуть желтеть, и ветер, пробежавший по саду, приносил с собой запах сырой земли, яблок и чего-то неуловимо домашнего. В воздухе витало предчувствие скорых дождей, и именно поэтому мне хотелось успеть закончить то, что я задумал. Я стоял посреди двора, смотрел на ровный участок земли рядом с большим клёном — его ветви раскинулись так широко, что могли служить естественной крышей, а ствол был крепким, надёжным, будто сам приглашал чтонибудь построить рядом. В руках у меня были чертежи, которые я набросал ещё ночью, пока все спали: маленький домик для Элары. Не просто игрушечный, не просто «домик из веток», а настоящий уютный уголок, где она могла бы чувствовать себя в безопасности, где было бы тепло, сухо, где всё было бы устроено так, чтобы ей было удобно. Kiladosha подошла сзади, тихо ступая по траве, и остановилась рядом. Её кошачьи ушки чуть подрагивали, улавливая каждый звук: скрип дерева, далёкий голос соседа, шелест листвы. Хвост лениво покачивался, но в её взгляде было столько внимания, что казалось, она видит не только меня, но и все мысли, которые крутились

у меня в голове. — Ты серьёзно собираешься строить ей целый дом? — спросила она, улыбаясь уголком губ, но в этой улыбке было не насмешливое удивление, а тихое восхищение. Я кивнул, разворачивая листы и показывая ей наброски. — Не просто дом. Её крепость. Её место, куда она может прийти, если вдруг станет страшно или просто захочется побыть одной, но не в одиночестве, а в своём личном уголке. Там будет кровать, вода, туалет, тепло... Всё, что нужно, чтобы она знала: её защищают. Kiladosha молча смотрела на чертежи, потом подняла глаза на меня, и в них было столько нежности, что мне вдруг стало немного неловко, будто я делал что-то слишком простое, а она видела в этом что-то очень важное. — Это самое доброе, что я видела за долгое время, — тихо сказала она, кладя ладонь мне на плечо. — Ты делаешь мир безопасным для неё. Не обещаниями, а делом. Я пожал плечами, будто это было пустяком, хотя внутри всё сжималось от желания сделать всё правильно. — Я просто хочу, чтобы она никогда не чувствовала себя незащищённой. Чтобы знала: если что-то случится, у неё есть место, где можно спрятаться и выдохнуть. Она улыбнулась, крепче сжала моё плечо и кивнула. — Тогда я помогу. А потом мы позвоём её. Пусть она сама выберет цвет стен. Мы начали с фундамента — простого, но надёжного. Я аккуратно разметил участок, вбивал колышки, натягивал верёвки, чтобы всё было ровно. Kiladosha приносила инструменты, держала доски, пока я их крепил, и время от времени останавливалась, что-

бы посмотреть, как меняется двор, как из ничего появляется что-то настоящее. Элара сначала бегала вокруг, пыталась «помогать», подавая мне то камешек, то палочку, то старую игрушку, которую нашла в траве. Её хвостик вилял так быстро, что почти сливался в размытое пятно, а ушки то прижимались, когда она прислушивалась к моим объяснениям, то вставали торчком от восторга. — Папа, а это будет мой замок? — спрашивала она, заглядывая мне в лицо своими большими глазами, в которых отражалось и солнце, и небо, и вся её надежда на чудо. Я смеялся, приседал перед ней, чтобы наши глаза были на одном уровне, и серьёзно кивал. — Да, солнышко. Твой собственный замок. С кроватью, чтобы спать, с водой, чтобы умываться, и с дверью, которую ты сможешь закрыть, если захочешь побыть одна. Но я всегда буду рядом. И мама тоже. Она кивала, будто запоминала каждое слово, а потом снова убегала, чтобы принести ещё что-нибудь «для стройки». Постепенно стены начали подниматься. Мы использовали прочные доски, тщательно подгоняли их друг к другу, чтобы не было щелей, через которые мог бы проникнуть холодный ветер. Я продумывал каждую деталь: как будет держаться крыша, как сделать так, чтобы вода не протекала, как устроить вентиляцию, чтобы внутри было свежо, но не холодно. Внутри домика я поставил небольшую кровать с мягким матрасом, накрыл её тёплым пледом, который Kiladosha связала ещё зимой. Рядом поставил маленький столик, на который мы положили книжку с картин-

ками, любимую игрушку Элара — плюшевого котёнка, которого она называла «Мурзик», и свечу в стеклянном фонарике, чтобы можно было читать перед сном, даже если на улице уже темно. Для воды я установил небольшой бак, который можно было наполнять из дома, и вывел аккуратную трубку с краном, чтобы Элара могла умыться или попить. Туалет был простым, но удобным, с деревянной крышкой и мягким сиденьем, которое Kiladosha обшила тканью, чтобы было уютно. Чтобы в домике было тепло даже в прохладные дни, я сделал двойные стены и проложил между ними утеплитель. Сверху накрыл крышу листами металла, покрашенными в тёмнозелёный цвет, чтобы она сливалась с листвой и казалась частью сада. На дверь повесил крючок, который Элара могла легко закрыть изнутри, но который не запирался наглухо — чтобы она чувствовала себя в безопасности, но не была понастоящему заперта. Когда всё было готово, я отступил на шаг, чтобы посмотреть на домик со стороны. Он стоял под клёном, уютный, аккуратный, будто вырос здесь сам, как часть этого двора. Дверь была выкрашена в нежно-голубой цвет — тот самый, который Элара выбрала, когда мы спросили её мнение. На окошке висели маленькие занавески, которые Kiladosha сшила из остатков ткани, и они слегка колыхались от ветра, придавая домику ещё больше уюта. Элара стояла рядом, держась за руку мамы, и смотрела на домик так, будто боялась поверить, что это всё для неё. Её ушки были прижаты к голове от волнения, а хвостик за-

мер, будто она старалась не спугнуть это чудо одним лишним движением. — Это... правда мой? — прошептала она, глядя то на меня, то на Kiladosha, будто проверяя, не снится ли ей это. Я присел перед ней, протянул руку и коснулся её носика кончиком пальца, как делал всегда, когда хотел её рассмешить. — Твой. Полностью твой. Ты можешь приходить сюда, когда захочешь. Можешь играть, можешь спать, можешь просто сидеть и смотреть в окно, как падают листья. Это твоё место. Твоя крепость. Она сделала шаг вперёд, потом ещё один, осторожно коснулась двери, провела ладонью по голубой краске, будто проверяя, настоящая ли она. Потом медленно открыла дверь, заглянула внутрь, и её глаза стали огромными от восторга. — Там кровать! — воскликнула она, вбегая внутрь и тут же оборачиваясь, чтобы убедиться, что мы идём за ней. — И столик! И Мурзик! Мы вошли следом. Kiladosha присела на край кровати, проверила, насколько она мягкая, улыбнулась и кивнула мне: «Всё хорошо». Элара бегала по домику, трогала каждую вещь, открывала и закрывала дверцу шкафчика, который я приделал к стене, проверяла, как работает кран, и каждый раз возвращалась к нам с сияющими глазами, будто хотела убедиться, что это не сон. Потом она остановилась, посмотрела на нас серьёзно, как умеют только дети, когда хотят сказать что-то понастоящему важное, и тихо произнесла: — Спасибо. Теперь я не буду бояться. Потому что у меня есть свой дом. И вы. Моё сердце сжалось от этих слов, и я почувствовал, как

к горлу подступает комок. Я опустил на колени, раскрыл объятия, и она тут же бросилась ко мне, уткнулась носом в плечо, крепко обхватила шею. Её хвостик обвился вокруг моей руки, а ушки прижались к голове, но теперь не от страха, а от ощущения безопасности. — Ты никогда не будешь бояться одна, — прошептал я, целуя её в макушку, в пушистые волосы, пахнувшие солнцем и травой. — Потому что мы всегда будем рядом. Даже если ты в своём домике, даже если дверь закрыта — мы тут. Слышишь? Она кивнула, не поднимая головы, и я почувствовал, как её дыхание становится спокойнее, ровнее, как уходит напряжение, которое иногда проскальзывало в её движениях после тех тревожных дней. Kiladosha села рядом, обняла нас обоих, её хвост мягко обвился вокруг нас, замыкая круг. Её кошачьи ушки слегка подрагивали, будто прислушивались к тишине, которая теперь была не пустой, а наполненной покоем. — Знаешь, что самое важное в этом домике? — тихо сказала она, глядя на меня поверх головы Элары. — Не стены. Не кровать. Не вода. А то, что он построен из любви. Из твоего желания защитить. Из нашего желания, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Я улыбнулся, прижимая к себе Элару, и посмотрел на Kiladosha. В её глазах было столько тепла, столько благодарности, что мне казалось, будто я построил не просто домик, а нечто гораздо большее — фундамент для её спокойствия, для её веры в то, что мир может быть добрым. Позже, когда солнце начало садиться, окрашивая небо в розо-

вые и золотые оттенки, мы втроём сидели на траве перед домиком. Элара лежала на пледе, прижавшись к маме, и тихо мурлыкала, как делала всегда, когда была счастлива и спокойна. Kiladosha гладила её по голове, её кошачьи ушки чуть подрагивали в такт этому тихому звуку, а хвост лениво покачивался, создавая ощущение уюта. Я сидел рядом, смотрел, как последние лучи солнца скользят по крыше домика, как тени становятся длиннее, и чувствовал, как внутри разливается тихое, уверенное спокойствие. Не то, которое приходит, когда всё идеально, а то, которое появляется, когда ты знаешь: ты сделал всё, что мог, чтобы защитить тех, кто тебе дорог. Элара подняла голову, посмотрела на меня своими большими, серьёзными глазами и тихо спросила: — Папа, а если вдруг опять станет страшно... я могу туда пойти? Я наклонился, коснулся её лба своим лбом, как она любила, и прошептал: — Можешь. В любую секунду. Днём, ночью, когда идёт дождь или светит солнце. Твой домик всегда будет ждать тебя. И мы тоже. Она снова прижалась к Kiladosha, закрыла глаза, и её мурлыканье стало тише, ровнее — она засыпала, зная, что защищена. А мы с Kiladosha сидели рядом, смотрели на наш маленький уютный мир и молчали, потому что слова были не нужны. Всё уже было сказано: в каждом гвозде, в каждой доске, в каждом уголке этого домика, который стал не просто строением, а символом нашей заботы, нашей любви, нашей готовности защищать и оберегать. И в этот момент я понял: безопасность — это не только

стены и замки. Это голос, который говорит: «Ты не один». Это руки, которые обнимают. Это место, куда можно прийти, когда страшно. И это люди, которые всегда будут ждать у двери, готовые открыть её и впустить, чтобы снова сказать: «Мы здесь. Мы с тобой». Так и закончился этот день — не громкими победами, не героическими подвигами, а тихой, настоящей заботой, которая строила не просто дом, а целый мир, в котором Элара могла расти, играть, мечтать и знать: её любят, её берегут, и у неё всегда есть место, где она в безопасности.

Глава 18 <день рождения у Элара>

Утро началось не с будильника, не с резкого звонка, а с тихого, почти волшебного ощущения: воздух будто стал чуть слаще, светлее, будто сам мир решил сегодня быть особенно добрым. Эларе исполнилось девять лет — та самая цифра, которая для ребёнка звучит почти как рубеж: уже не совсем малышка, но ещё и не взрослая, та самая золотая середина, когда хочется верить в чудеса, но уже хочется, чтобы к тебе относились серьёзно. Я проснулся раньше всех, тихо, чтобы не потревожить сон Kiladosha и Элара. В комнате было прохладно, но уютно: солнечные лучи уже пробирались сквозь занавески, рисовали на полу золотистые полоски, а на подоконнике, где Kiladosha вчера оставила чашку с чаем, блестел тонкий ободок росы. Я сел на край кровати, посмотрел на них: Kiladosha спала, свернувшись клубочком, её кошачьи ушки чуть подрагивали даже во сне, улавливая малейшие звуки дома, а хвост мягко обвивал одеяло, будто охранял сон. Рядом, прижавшись к маме, лежала Элара — её хвостик лежал поверх одеяла, а ушки были расслаблены, прижаты к голове так, как бывает только у тех, кто чувствует себя в полной безопасности. Мне хотелось сделать этот день особенным. Не просто «ещё один день с тортом», а та-

кой, который она будет вспоминать потом, когда станет старше, и улыбаться, вспоминая, как всё было устроено именно для неё. Я тихо встал, накинул свитер и вышел в кухню. Там уже пахло свежим хлебом — Kiladosha вчера напекла его на вечер, и теперь аромат стоял в воздухе, смешиваясь с запахом кофе и чего-то домашнего, настоящего. На столе лежала записка: «Если проснёшься раньше — не шуми. Хочу, чтобы она сама открыла глаза и увидела праздник». Я улыбнулся, провёл пальцем по буквам, будто хотел запомнить этот жест, эту заботу. Сначала я занялся украшениями. Достал из шкафа коробку, которую хранил специально для таких случаев: разноцветные ленты, бумажные гирлянды, маленькие флажки, которые Элара сама раскрашивала в прошлом году. Я развесил их по коридору, по кухне, даже на дверь в ванную повесил маленький флажок с надписью «С днём рождения, наша звёздочка!». Потом достал коробку с воздушными шарами, надул их один за другим, стараясь делать это тихо, чтобы не разбудить девочек. Шары получились разные: розовые, голубые, жёлтые, один даже с рисунком котёнка — его Элара особенно любила. Я привязал их к стульям, к ручкам шкафов, к спинке дивана, и кухня сразу стала похожа на кусочек праздника, который кто-то принёс прямо в дом. Когда всё было готово, я заглянул в комнату. Kiladosha уже проснулась, сидела на кровати, потягивалась, её ушки насторожённо поворачивались, улавливая звуки, а хвост лениво покачивался, будто тоже радовался новому дню. — Ты всё успел, —

прошептала она, улыбаясь и кивая на коридор, где гирлянды мягко свисали с потолка. — Она ещё спит. Давай не будем будить, пусть проснётся сама. Но когда откроет глаза... пусть сразу увидит, что это её день. Мы тихо сели на кухне, пили чай, говорили шёпотом, чтобы не нарушить эту утреннюю тишину, которая казалась такой хрупкой, будто её можно разбить одним громким словом. Kiladosha рассказывала, как вчера вечером Элара шептала себе под нос: «Девять... это почти десять. В девять можно уже самой выбирать, что надеть. В девять можно помогать печь торт. В девять уже почти взрослая». И в её голосе было столько нежности, столько гордости за эту маленькую серьёзность, что мне снова захотелось сделать всё идеально. И вот Элара проснулась. Сначала она просто пошевелилась, потом потянулась, потом открыла глаза — и замерла. Потому что первое, что она увидела, был шарик, который я привязал к спинке кровати. Он покачивался от лёгкого сквозняка, переливался в утреннем свете, и на нём была нарисована смешная мордочка. Элара села, посмотрела на шарик, потом на нас, и вдруг её лицо озарилось такой широкой, такой настоящей улыбкой, что казалось, будто в комнате стало светлее. — Это мне? — прошептала она, будто боялась спугнуть чудо. Я кивнул, подошёл, сел рядом и протянул ей маленький свёрток, перевязанный лентой. — С днём рождения, солнышко. Тебе сегодня девять. И это твой день. Весь. От первого луча до последней звёздочки. Она осторожно развернула бумагу, будто хотела

растянуть момент, и когда увидела, что внутри, её глаза стали огромными. Это была маленькая серебряная подвеска в форме звёздочки на тонкой цепочке — я выбрал её, потому что она всегда говорила, что хочет быть такой же яркой, как звёзды. — Она настоящая? — выдохнула Элара, прижимая подвеску к груди, будто боялась, что она исчезнет. — Настоящая. Как и ты. Как и этот день. Kiladosha подошла, присела рядом, погладила её по волосам, и её кошачьи ушки слегка дрогнули, будто она тоже сдерживала слёзы радости. — А теперь идём на кухню, — сказала она, беря Элару за руку. — Там тебя ждёт коечто ещё. На кухне всё было готово: стол накрыт, на нём — тарелка с горячими оладьями, политыми мёдом, чашка с какао, украшенная взбитыми сливками и посыпкой, а в центре стоял торт. Он был не огромный, но очень красивый: светлорозовый крем, сверху — маленькие фигурки котят, а по бокам — тонкие полоски шоколада. На торте горело девять свечей, и пламя их было таким тёплым, что казалось, будто они не просто горят, а улыбаются. Элара остановилась в дверях, прижала ушки к голове, будто пыталась уместить в себе весь этот восторг, и прошептала: — Это... всё мне? Я рассмеялся, обнял её, поднял на руки, потому что в такие моменты хочется быть ближе, хочется, чтобы ребёнок чувствовал: его любят так сильно, что ради него украшают весь дом. — Всё тебе. Сегодня ты главная. Ты — именинница. И всё, что есть в этом доме, всё, что светит и пахнет и шуршит, — это для тебя. Мы сели за стол, Kiladosha

разлила какао, я положил на тарелку оладьи, и Элара ела, то и дело останавливаясь, чтобы посмотреть на торт, будто проверяла, не исчезнет ли он. Её хвостик вилял так быстро, что почти сливался в размытое пятно, а ушки то прижимались от удовольствия, то вставали торчком от предвкушения. После завтрака мы вышли во двор. Там, рядом с тем самым домиком, который я построил для Элара, я устроил небольшой пикник: расстелил плед, поставил корзинку с фруктами, печеньем, соком, положил несколько игрушек, чтобы ей было чем заняться, если захочется. Kiladosha принесла плед потеплее, чтобы, если вдруг станет прохладно, Элара могла завернуться в него, как в кокон. День был удивительно хорошим: небо — ясное, без единого облака, ветер — лёгкий, почти ласковый, а солнце грело так, будто старалось согреть каждого, кто сегодня вышел на улицу. Мы играли: запускали мыльные пузыри, которые разлетались на тысячи крошечных радуг, бегали по траве, прятались за деревьями, смеялись, когда кто-то не мог найти другого. Элара была в центре всего этого веселья, она смеялась так звонко, так искренне, что казалось, будто её смех разгоняет любые тучи. Потом мы вернулись к домику. Я открыл дверь, и Элара первой вбежала внутрь, оглядываясь по сторонам, будто видела его впервые. Она села на кровать, потрогала плед, посмотрела в окошко, где за стеклом медленно кружились листья, и вдруг повернулась к нам, и в её глазах было столько счастья, что оно казалось почти осязаемым. — Мой домик, — прошеп-

тала она, прижимая к груди подвескузвёздочку. — И сегодня мой день. Мы устроились на пледе перед домиком: я с одной стороны, Kiladosha с другой, Элара посередине. Она прижималась то ко мне, то к маме, будто хотела разделить своё счастье между нами, чтобы мы тоже почувствовали, как это — быть девятилетней и знать, что тебя так сильно любят. Пришло время торта. Я зажёл свечи снова, хотя они уже горели утром, потому что для Элара хотелось повторить этот момент. Она закрыла глаза, крепко сжала кулачки, будто собирала все свои желания в один большой комок, и тихо прошептала что-то про себя. Потом резко выдохнула, и все девять огоньков погасли одновременно. Мы заплодировали, Kiladosha обняла её, поцеловала в макушку, а я протянул ей кусочек торта, самый красивый, с фигуркой котёнка сверху. — Загадай ещё одно желание, — сказал я, улыбаясь. — На всякий случай. Чтобы уж точно сбылось. Она покачала головой, но в её улыбке было столько уверенности, что я понял: она уже получила всё, что хотела. — Мне не надо загадывать, — сказала она, глядя на нас по очереди, будто хотела запомнить этот момент навсегда. — У меня уже всё есть. Вы. Дом. Мой домик. И этот день. Мы разрезали торт, ели его прямо руками, потому что в такие дни не до вилок, и крем оставался на пальцах, на носках, на щеках, и это было правильно, это было понастоящему. Kiladosha смеялась, её хвост обвивался вокруг наших ног, создавая невидимую стену из любви, а её ушки подрагивали от каждого смеха Элара, будто впитыва-

ли эти звуки, чтобы потом, в тихие вечера, вспоминать их и улыбаться. Ближе к вечеру мы устроили маленький концерт: я играл на гитаре простую мелодию, Kiladosha тихонько подпевала, а Элара танцевала на траве, кружилась, поднимала руки к небу, будто хотела поймать последние лучи солнца. Её хвостик развевался, как флажок, а ушки ловили каждый звук, каждую нотку, и казалось, что она не просто танцует, а празднует саму жизнь. Когда солнце стало садиться, окрашивая небо в розовые и золотые оттенки, мы сели рядом, укрылись одним пледом, и Элара прижалась к нам, её дыхание стало тише, ровнее, и я понял, что она засыпает, убаюканная этим днём, этим счастьем, этой любовью. — Спасибо, — прошептала она, уже почти во сне, но так отчётливо, что эти слова прозвучали громче любого крика. — За мой день. За мой домик. За вас. Мы с Kiladosha переглянулись, и в этом взгляде было столько общего, столько понимания, что никакие слова были не нужны. Мы просто кивнули друг другу, как люди, которые вместе построили этот день, кирпичик за кирпичиком, улыбку за улыбкой. А потом я взял её на руки, отнёс в дом, уложил в кровать, накрыл одеялом, а Kiladosha села рядом, тихонько напевая ту самую мелодию, которую мы играли вечером. Элара улыбнулась во сне, её хвостик слабо шевельнулся, будто прощался с днём, а ушки чуть дрогнули, улавливая мамин голос. Когда она уснула, мы вышли в коридор, тихо прикрыли дверь, чтобы не потревожить её сон, и остановились рядом, глядя друг на друга. В доме было

тихо, но эта тишина была не пустой, а наполненной: смехом, который ещё звенел в стенах, шорохом лент, которые покачивались от сквозняка, запахом торта и ванили. — Мы сделали хороший день, — тихо сказала Kiladosha, кладя голову мне на плечо, а её хвост мягко обвился вокруг моей руки. Я обнял её, притянул ближе, чувствуя, как уходит дневная суета, уступая место спокойствию. — Да. Хороший. И она его запомнит. Мы ещё немного постояли, слушая, как дом дышит, как за окном шелестит листва, как где-то далеко лает собака, а совсем рядом спит самое дорогое существо, которое верит, что мир добрый, потому что мы каждый день стараемся делать его таким для неё. Так закончился этот день — не фейерверками, не громкими словами, а простыми, настоящими вещами: оладьями с мёдом, шарами, которые покачивались на ветру, тортом с фигурками котят и объятиями, в которых не было ничего лишнего, только любовь. И этого было достаточно. Потому что счастье — оно не в больших событиях. Оно в том, чтобы проснуться и увидеть шарик у изголовья. В том, чтобы съесть оладью и знать, что её приготовили специально для тебя. В том, чтобы иметь свой домик и знать, что рядом всегда будут те, кто защитит. И в том, чтобы в девять лет чувствовать: тебя любят. Просто так. Без условий. Без причин. Просто потому, что ты есть.

Глава 19 <первая школа для Элары>

Утро выдалось удивительно светлым — солнце пробивалось сквозь полупрозрачные занавески, рассыпая по комнате золотые блики. Элара, ещё сонная, прижималась ко мне, уткнувшись носом в плечо, а её пушистый хвостик слегка подрагивал во сне. Я осторожно поправил одеяло, стараясь не разбудить её раньше времени, но в груди уже трепетало то самое смешанное чувство — гордость, волнение и лёгкая тревога. Сегодня был особенный день: мы с Киладошей должны были записать Элару в школу. Киладоша появилась в дверях, тихо ступая босыми ногами по полу. Её кошачьи ушки чуть подрагивали, выдавая внутреннее напряжение — она тоже волновалась. В руках у неё была стопка бумаг: свидетельство о рождении, медицинская справка, заявление. Всё, что нужно, чтобы сделать этот первый шаг во взрослую жизнь нашей малышки. — Ты думаешь, она готова? — прошептала Киладоша, глядя на спящую Элару. Голос её звучал нежно, но в нём слышалась нотка сомнения. Я подошёл к ней, обнял за плечи и прижал к себе. — Она готова. Она такая умная, такая любознательная... Ей будет интересно. А мы всегда будем рядом. Киладоша вздохнула,

но улыбнулась, и в её глазах мелькнуло облегчение. Мы решили не торопиться, сделать всё спокойно. Сначала позавтракали: Элара уплетала кашу с ягодами, хвостик вилял из стороны в сторону, а ушки ловили каждый звук. Потом мы долго выбирали, в чём она пойдёт. В итоге остановились на светлоголубом платье с вышитыми цветочками — оно было мягким, удобным и очень красивым. Киладоша заплела Эларе две аккуратные косички, перевязав их ленточками в тон платью, а я надел ей на шею маленький кулончик — символ нашей семьи. Когда мы вышли на улицу, город казался какимто особенно приветливым. Тёплый ветерок шевелил листву, птицы щебетали, будто подбадривали нас. Элара шла между нами, крепко держа каждого за руку, и с любопытством разглядывала всё вокруг: проезжающие машины, яркие вывески, прохожих. Иногда она останавливалась, чтобы рассмотреть чтото особенно интересное — камешек, листочек, забавную тень на асфальте. Мы не торопили её, давая насладиться каждым мгновением. Школа оказалась совсем недалеко — светлое здание с большими окнами и ухоженным двориком. У входа росли высокие клёны, а на клумбах пестрели цветы. Перед крыльцом стояла небольшая группа родителей с детьми, и на секунду меня охватило странное чувство: будто мы сейчас должны пройти какоето важное испытание. Но Киладоша сжала мою руку, и я понял: мы справимся. Вместе. В вестибюле пахло свежей краской и чемто сладким — наверное, булочками из школьной столовой. На

стенах висели яркие плакаты, рисунки учеников, расписание кружков. Всё выглядело дружелюбно и уютно. Мы подошли к стойке, где сидела строгая, но доброжелательная женщина в очках. — Здравствуйте, — улыбнулась Киладоша. — Мы пришли записать дочь в первый класс. Женщина кивнула, достала папку и начала задавать обычные вопросы: имя, возраст, адрес, контактные данные. Я отвечал, стараясь говорить спокойно и уверенно, хотя внутри всё ещё немного дрожало. Киладоша держала Элору на руках, поглаживая её по спине, чтобы малышка не волновалась. Элора, впрочем, выглядела скорее любопытной, чем испуганной. Она рассматривала кабинет, заглядывала в приоткрытую дверь соседнего помещения, а когда женщина протянула ей маленький значок с надписью «Будущий первоклассник», радостно схватила его и тут же приколотла к платью. Потом нас проводили к директору — доброй женщине с тёплыми глазами. Она рассказала о школе, о том, как проходят уроки, какие кружки есть, как заботятся о детях. Её слова звучали искренне, и с каждым предложением тревога внутри меня понемногу таяла. — У нас очень дружный коллектив, — говорила директор, глядя на Элору с улыбкой. — Мы стараемся, чтобы каждый ребёнок чувствовал себя здесь как дома. После разговора мы отправились осматривать школу. Нам показали класс, где будут учиться первоклассники: светлые парты, доска, книжные полки, уголок с мягкими игрушками для отдыха. На стене висела большая карта мира, а на подоконнике

стояли горшки с цветами. Элара тихонько подошла к одной из парт, потрогала её рукой, будто проверяя, настоящая ли она, а потом повернулась к нам и сказала: — Я буду сидеть здесь? Я присел перед ней на корточки, взял её за руки и мягко улыбнулся. — Да, солнышко. Это твоё место. Ты будешь учиться, узнавать новое, заводить друзей. А если вдруг станет грустно, ты всегда можешь вспомнить, что мы тебя очень любим и ждём дома. Элара кивнула, будто приняла это как данность, и её хвостик снова задрожал — на этот раз от предвкушения. На обратном пути она болтала без умолку: рассказывала, что хочет узнать про звёзды, про животных, про то, как делают шоколад. Киладоша слушала её, смеялась и время от времени целовала в макушку. Я шёл рядом, чувствуя, как внутри разливается тихая радость. Да, впереди будут трудности, новые испытания, но сегодня мы сделали важный шаг. Элара становилась старше, делала свои первые самостоятельные шаги в большой мир, и мы были рядом, чтобы поддержать её. Дома мы устроили маленький праздник: испекли пирог, зажгли свечи и даже сделали самодельную медаль «Первой школьной записи». Элара гордо носила её весь вечер, рассказывая воображаемым друзьям, как она ходила в школу и как ей там понравилось. А когда наступила ночь и Элара уснула, мы с Киладошей сидели на балконе, глядя на звёзды. — Знаешь, — тихо сказала Киладоша, положив голову мне на плечо, — я думала, что буду бояться этого дня. Бояться, что она вырастет и уйдёт в свой мир, где

нам уже не будет места. Но теперь я понимаю: мы не теряем её. Мы просто помогаем ей расправить крылья. Я обнял её крепче, чувствуя, как в груди разливается тепло. — Да, — прошептал я. — Мы помогаем ей лететь. И всегда будем ждать, когда она захочет вернуться в наши объятия. Так закончился этот день — день, когда Элара сделала первый шаг к своей большой школьной истории. А впереди было столько всего: первые уроки, первые друзья, первые победы и даже первые слёзы. Но мы были готовы ко всему. Ведь мы были семьёй.

Глава 20 <Черная машина>

День начинался так, будто нарочно хотел быть самым обычным. Не праздничным, не судьбоносным, а просто будничным: небо было светлосерым, без драматичных туч, но и без яркого солнца; ветер лениво шевелил листву, будто не решался дунуть понастоящему; по тротуару шли люди — кто-то спешил, кто-то не спеша, кто-то вообще стоял у киоска и выбирал газету, будто время для него остановилось. Я шёл домой, в руках у меня была небольшая сумка с продуктами — Kiladosha попросила купить коечто для ужина, и я с радостью согласился. Мне нравилось это: простые поручения, которые на самом деле были не поручениями, а способом побыть немного отдельно от дома и одновременно частью него. В голове крутились обычные мысли: «Надо не забыть про молоко... Элара просила печенье с шоколадной крошкой... Может, по дороге купить ей ещё маленький брелок, она любит такие мелочи...» Улица была знакомой до каждой трещины в асфальте, до каждого куста сирени, который цвел в мае и пах так сильно, что запах будто оставался в воздухе даже осенью. Я почти дошёл до перекрёстка, когда заметил её. Чёрную машину. Она стояла чуть в стороне от тротуара, не вплотную к бордюру, а так, будто специально выбрала место, откуда видно всё сразу: и переход, и остановку, и узкий про-

ход между домами. Машина была тёмной, почти без бликов, будто поглощала свет вокруг себя. На ней не было ярких наклеек, не было ничего, что сразу кричало бы «спецслужба», но именно эта незаметность и делала её особенно заметной. Из неё вышли трое. Они двигались не спеша, но в их походке не было расслабленности. Это была собранность, отточенная до автоматизма: каждый шаг выверен, каждое движение — как часть отработанного сценария. Один из них держал руку чуть ближе к поясу, будто в любой момент был готов что-то достать. Второй смотрел прямо вперёд, сканируя пространство. Третий — чуть позади, прикрывал тыл. И все они смотрели на меня. Сначала я не понял. Подумал: показалось. Или я просто попался в поле их внимания, потому что шёл один, с сумкой, в обычной куртке, ничем не выделяясь. Но потом один из них сделал шаг в мою сторону, и в этом шаге было что-то, от чего внутри всё сжалось. — Гражданин, остановитесь! — голос прозвучал не грубо, но твёрдо, так, что не оставалось сомнений: это приказ, а не просьба. Я замер. Сумка в руке вдруг стала тяжёлой, будто в неё насыпали камней. Я хотел сказать: «А в чём дело?», хотел спросить, почему они обращаются ко мне, хотел просто объяснить, что я обычный человек, который идёт за молоком для дочери. Но слова застряли в горле. — Руки на вид, пожалуйста. Документы предъявите, — второй мужчина подошёл ближе, держа дистанцию, но так, чтобы в случае чего успеть среагировать. Я медленно поставил сумку на асфальт, поднял руки,

стараясь не делать резких движений. Пальцы слегка дрожали, и я стискивал их, чтобы скрыть это. — У меня с собой нет документов, — тихо сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё кричало от непонимания. — Паспорт дома. Я просто... я шёл в магазин. Один из мужчин коротко кивнул, будто услышал что-то ожидаемое, и сделал знак напарнику. Тот достал рацию, что-то тихо проговорил. — Пройдёмте с нами, — сказал первый, чуть мягче, но не настолько, чтобы это стало похоже на приглашение. — Нужно прояснить ситуацию. — А можно... можно я хотя бы позвоню жене? — я сглотнул, пытаюсь удержать в голове самое главное: Kiladosha должна знать, где я. Элара не должна проснуться и не найти меня дома. Мужчина на секунду задумался, потом покачал головой. — Сейчас не положено. Позже будет возможность. Меня повели к машине. Дверь открылась, и салон показался тёмным, почти глухим, как будто он был создан для того, чтобы отсекал лишние звуки и лишние эмоции. Я сел, чувствуя, как холод металла пробирается сквозь куртку. Дверь захлопнулась, и этот звук прозвучал как финальная точка в обычном дне. Машина тронулась. Город за окном поплыл мимо: знакомые улицы, витрины, светофоры, люди, которые шли по своим делам и даже не подозревали, что где-то рядом, за тёмными стёклами, едет человек, которого только что задержали. В голове крутились обрывки мыслей: «Это ошибка. Точно ошибка. Сейчас разберутся. Сейчас поймут, что я не тот, за кого меня приняли.

И меня отпускают. Всё будет хорошо». Но страх, холодный и липкий, всё равно полз по спине, потому что реальность не хотела укладываться в эти успокаивающие фразы. Когда мы приехали, меня провели по коридору — длинному, серому, с ровным, почти стерильным светом. Пахло дезинфекцией и чемто ещё, чем пахнут места, где люди стараются не оставлять следов ни своих эмоций, ни даже своего присутствия. Меня завели в небольшую комнату, где стояли стол, два стула и шкаф, который выглядел так, будто в нём ничего нет, кроме тишины. — Подождите здесь, — сказал один из сотрудников, закрывая дверь. Замок щёлкнул, и этот звук отозвался внутри, как эхо. Я сел на стул, положил руки на колени, чтобы они не дрожали. Смотрел на стену, на царапину на столе, на тонкую полоску света под дверью. Старался дышать ровно, но каждый вдох получался чуть короче, чем нужно. Время тянулось странно — то слишком быстро, то застывало. Я думал о Kiladosha: как она вернётся с прогулки с Эларой, как зайдёт на кухню, увидит, что сумки нет, поймёт, что я ещё не вернулся. Как в её кошачьих ушках проснётся тревога, как хвост напряжётся, превращаясь в жёсткую линию, готовую к действию. Я представлял, как она будет ходить по дому, прислушиваясь к каждому звуку, как будет смотреть в окно, будто я вотвот появлюсь изза угла. А потом дверь открылась. Вошёл другой мужчина — не из тех, кто меня задерживал. Он был в обычной рубашке, без формы, но в его осанке было то же самое: собранность, готовность к лю-

бому развитию событий. В руках он держал тонкую папку. — Меня зовут Андрей Сергеевич, — спокойно сказал он, садясь напротив. — Давайте разберёмся, что произошло. Я кивнул, сжал пальцы, чтобы голос не дрожал. — Я... я просто шёл домой. За молоком. У меня жена, дочь... Он кивнул, будто это не было для него новостью. Открыл папку, посмотрел на несколько листов, потом снова на меня. — Понимаете, произошла ошибка. У нас была ориентировка на человека, который внешне очень похож на вас. Рост, комплекция, куртка, даже сумка — всё совпадало. Мы обязаны были проверить. Внутри что-то опустилось, будто тяжёлый камень, который я нёс всё это время, наконец-то лёг на землю. — Ошибка... — повторил я, и слово прозвучало странно, как будто я пробовал его на вкус, чтобы убедиться, что оно настоящее. Андрей Сергеевич чуть наклонил голову. — Да. Ошибка. Приносим извинения за доставленные неудобства. Сейчас мы всё оформим, и вы сможете уйти. И... да, вы можете позвонить близким. Я закрыл глаза на секунду, просто чтобы удержать этот момент: осознание, что худшее позади. Потом достал телефон, пальцы всё ещё немного дрожали, но уже не от страха, а от облегчения. Набрал номер Kiladosha. Она ответила почти сразу, будто держала телефон в руке, готовая к любому звонку. — Привет, — сказал я, и голос мой звучал хрипло, будто я долго молчал. — Прости, что не предупредил. Меня... меня задержали по ошибке. Но всё в порядке. Сейчас отпустят. Я скоро буду дома. Тишина на том

конце провода длилась всего мгновение, но в ней уместилось столько, что хватило бы на целую историю. А потом она выдохнула, и в этом выдохе было столько облегчения, что мне показалось, будто я физически почувствовал, как напряжение уходит из её плеч. — Ты где? Я приеду. Или... скажи, куда прийти? Я улыбнулся, впервые за этот день. — Не надо. Я сам. Через полчаса буду. Купи пока Эларе то печенье, которое она просила. Я куплю молоко. Мы попрощались, и я положил телефон на стол, чувствуя, как возвращается привычное ощущение мира: не идеального, не всегда безопасного, но моего, родного, где меня ждут. Оформление заняло ещё немного времени. Андрей Сергеевич был вежлив, сдержан, но в его взгляде было что-то похожее на искреннее сожаление. — Ещё раз извините, — сказал он, когда я уже собирался уходить. — Служба такая: лучше перепроверить, чем пропустить. Я кивнул. — Я понимаю. Выйдя на улицу, я вдохнул прохладный воздух, который теперь казался не серым и будничным, а живым, настоящим. Город шумел, машины ехали, люди шли, светофоры переключались — всё было на своих местах. Я пошёл домой. Быстрее, чем обычно, но уже без страха. Просто потому, что хотел скорее увидеть их. Дверь открылась ещё до того, как я успел вставить ключ. На пороге стояла Kiladosha. Её кошачьи ушки были напряжены, улавливая каждый звук, хвост обвивался вокруг ног, будто пытался удержать равновесие, а в глазах была та самая смесь тревоги и облегчения, которую можно увидеть только

у тех, кто очень сильно ждал. — Ты... — она не договорила, просто шагнула вперёд и обняла меня так крепко, будто хотела убедиться, что я настоящий, что это не сон, не иллюзия, а я стою здесь, живой, рядом. Я обнял её в ответ, зарылся лицом в её волосы, пахнущие домом и спокойствием, и на секунду просто замер, позволяя этому чувству — быть дома, быть любимым, быть нужным — заполнить всё внутри. Элара выскочила следом, хвостик вилял так быстро, что казался размытым пятном, а ушки встали торчком от волнения. — Папа! — она бросилась ко мне, уткнулась в бок, крепко обхватила руками, будто боялась, что если отпустит, я снова исчезну. Я присел, обнял её, поцеловал в макушку, в пушистые волосы, и прошептал: — Всё хорошо, солнышко. Я тут. Просто была ошибка. А теперь я дома. Она подняла на меня глаза, в которых ещё плескался испуг, но уже пробивалась радость. — А ты купил печенье? Я рассмеялся, и этот смех был таким настоящим, таким нужным, что даже воздух вокруг будто стал теплее. — Купил. И молоко тоже. И ещё коечто. Но самое главное — я вернулся. Мы вошли в дом, закрыли дверь, отрезая от себя улицу, чёрную машину, коридор с серыми стенами и тот короткий, но бесконечно длинный день, когда мир на время стал чужим. А здесь, внутри, он снова был своим: тёплым, уютным, наполненным звуками, запахами, жизнью. Kiladosha заварила чай, Элара устроилась рядом, прижимаясь то ко мне, то к маме, будто хотела впитать в себя это спокойствие, убедиться, что всё

действительно хорошо. Хвостик её постепенно замедлялся, ушки расслаблялись, а на лице появлялась та самая улыбка, которая делала весь мир светлее. Мы сидели за столом, пили чай, ели печенье, говорили о пустяках: о том, как Элара сегодня кормила воробья крошками, как Kiladosha нашла в шкафу старую книжку, которую мы читали вместе, как день сначала казался обычным, а потом вдруг стал таким важным. И в какойто момент я понял одну вещь: безопасность — это не только домики, не только крепкие стены, не только защита от внешнего мира. Это ещё и умение возвращаться. Это знание, что тебя ждут. Это глаза, которые смотрят на тебя и видят не ошибку, не совпадение, не ориентировку, а просто тебя — того, кого любят. Этот вечер был тихим. Не потому, что нам нечего было сказать, а потому, что самые важные слова уже были сказаны: в объятиях, в взглядах, в том, как Kiladosha время от времени касалась моей руки, будто проверяла, что я здесь. Как Элара прижималась ко мне, доверчиво и крепко, зная, что папа вернулся и больше никуда не исчезнет. Ночь пришла незаметно, укутала дом темнотой, но внутри было светло от этого маленького, но такого огромного счастья: мы вместе. Мы дома. И этого достаточно.

Глава 21 <поездка в Сочи>

Утро началось не с будильника, а с шороха: кто-то тихо ходил по комнате, будто боялся спугнуть сам воздух. Я приоткрыл глаза и увидел Kiladosha — она стояла у окна, её кошачьи ушки были насторожены, ловили каждый звук улицы, а хвост плавно покачивался, выдавая нетерпение. В руках она держала маленький блокнот, куда всю неделю записывала: «купальник», «крем от солнца», «панамка для Эллары», «шоколад в дорогу», «плед», «бутылка воды», «зарядка», «книга про дельфинов». Список рос, как снежный ком, и каждый вечер она добавляла туда ещё что-то, будто хотела собрать в одну сумку весь мир, чтобы в Сочи нам точно ничего не понадобилось. Рядом на кровати, свернувшись клубочком, спала Элара. Её хвостик был расслаблен, ушки прижаты к голове — так она спала, когда чувствовала себя в полной безопасности. Но стоило только шевельнуться, как она тут же просыпалась, будто внутри у неё был крошечный радар, настроенный на наши голоса. — Тише, — прошептала Kiladosha, не оборачиваясь, но каким-то чудом сразу поняв, что я проснулся. — Она только уснула. А у нас сегодня самолёт. Я сел, потянулся, чувствуя, как по телу разливается приятное предвкушение. Самолёт. Сочи. Море. Горы. Всё это звучало как обещание чего-то большого, светлого, настоящего. — А если

мы опоздаем? — тихо спросила Kiladosha, будто сама себе не хотела признаваться в этом страхе. — Если пробки? Если такси не приедет? Если в аэропорту что-то случится? Я встал, подошёл к ней, обнял за плечи, прижал к себе. Её ушки чуть дрогнули, потом расслабились, а хвост сделал ленивый полукруг, будто соглашался: всё будет хорошо. — Мы не опоздаем, — сказал я спокойно, хотя внутри тоже трепетало это сладкое, щекочущее чувство, когда впереди — большое приключение. — Такси уже заказано. Водитель ждёт внизу. А в аэропорту мы будем за два часа до вылета. Успеем даже мороженое съесть. Kiladosha вздохнула, будто сбрасывая с плеч невидимый груз, и улыбнулась. В этой улыбке было столько облегчения, что я невольно улыбнулся в ответ. — Мороженое... да. Обязательно. И Эларе тоже. Только не клубничное. Она теперь любит фисташковое. Элара тут же зашевелилась, приоткрыла один глаз, хитро прищурилась. — Я всё слышу! — заявила она, вытягиваясь, как маленький хищник, который только делает вид, что расслаблен. — И я хочу не одно мороженое, а два! И ещё вафлю! И чтобы папа купил мне ракушку, самую большую! Мы рассмеялись. Этот смех был таким нужным, таким правильным, что казалось, он сам разгоняет любые тревоги. Сбор занял ровно столько времени, сколько и должен был занять, если в доме есть Kiladosha: бесконечно долго, но при этом удивительно организованно. Kiladosha бегала от шкафа к чемодану, проверяла, не забыла ли что-то важное, потом возвращалась, перекладывала, сно-

ва проверяла. Элара носилась следом, пыталась помочь, но чаще просто мешала, радостно выкрикивая: «А это надо? А это? А вот это?» Я собирал самое главное: документы, билеты, телефон, зарядку, ключи. И ещё одну вещь — маленькую плюшевую рыбку, которую Элара не выпускала из рук с тех пор, как мы купили её в парке. — Без рыбки нельзя, — серьёзно сказала Элара, когда я попытался аккуратно положить её в отдельный карман, чтобы не помялась. — Она тоже летит. Она боится самолётов, я буду её успокаивать. И я кивнул. Конечно. Рыбка летит. Кто мы такие, чтобы оставлять тех, кто боится? Когда мы наконец вышли из подъезда, город встретил нас ярким солнцем и гулом машин. Такси стояло у обочины — чёрный седан с включённым навигатором. Водитель вышел, помог загрузить чемоданы, улыбнулся: — В аэропорт? Отлично. Сейчас пробок почти нет. Успеем. Kiladosha села на переднее сиденье, будто хотела быть ближе к дороге, к движению, к тому, чтобы всё контролировать. Элара забралась назад, прижимая к себе рыбку, и тут же начала рассказывать ей, как всё будет: «Ты не бойся, рыбка. Мы полетим высоковысоко, выше птиц, выше облаков. Ты увидишь землю сверху, это так красиво!» Я сел рядом с Эларой, положил руку ей на плечо, чувствуя под пальцами лёгкое тепло, и вдруг понял: вот оно, самое важное. Не Сочи, не море, не горы. А то, что мы едем вместе. Все трое. И это уже само по себе — приключение. Дорога до аэропорта была не длинной, но казалась бесконечной. Kiladosha то и дело

оборачивалась, проверяя, всё ли в порядке, не забыли ли мы что-то. Элара смотрела в окно, тыкала пальчиком в стекло: «Смотри, папа, кошка! Смотри, автобус! Смотри, дерево!» Каждый новый объект был событием, маленьким чудом, которое нужно обязательно заметить и разделить с нами. А я смотрел на них и думал, как странно устроена жизнь: ещё вчера мы просто жили, ходили по одним и тем же улицам, пили чай из одних и тех же чашек, а сегодня всё стало другим, потому что впереди — незнакомый город, море, новые запахи, новые звуки, новые истории, которые только ждут, чтобы их прожили. В аэропорту нас встретил гул голосов, запах кофе, мерцание табло с вылетами, люди с чемоданами, дети, бегущие к эскалаторам, стюардессы в аккуратной форме, спешащие к своим рейсам. Всё это было похоже на огромный живой механизм, который работает без остановки, каждую секунду, каждый день, и сегодня он готов был подхватить и нас, унести в другую часть страны, в другой мир. Мы прошли регистрацию, сдали багаж, получили посадочные талоны. Kiladosha держала Элару за руку, будто боялась, что в этом потоке людей и звуков она может потеряться. А Элара, наоборот, тянулась вперёд, хотела увидеть всё сразу: и магазин с игрушками, и кафе с пирожными, и выход на посадку, и сам самолёт, который уже стоял у телетрапа, белый, блестящий, готовый к полёту. — Он такой большой! — прошептала Элара, замерев перед стеклянной стеной. — Он правда полетит? С нами? — Правда, — сказал я, приса-

живаясь рядом с ней, чтобы наши глаза были на одном уровне. — Он создан для этого. Он любит летать. И он знает, что везёт нас к морю. Элара кивнула, будто приняла это как важную истину, и крепче прижала к себе рыбку. Перед досмотром Kiladosha вдруг остановилась, будто что-то вспомнила. — А вдруг... вдруг на борту будет страшно? Вдруг трести начнёт? Вдруг... Я взял её за руку. Её пальцы были чуть прохладными, напряжёнными. — Тогда мы будем держаться друг за друга, — сказал я тихо, чтобы слышала только она. — Ты будешь держать Элару. Я буду держать тебя. А Элара будет держать рыбку. И никто не испугается. Потому что мы вместе. Её ушки дрогнули, она посмотрела на меня, и в её взгляде было столько благодарности, столько доверия, что мне захотелось обнять её прямо здесь, посреди аэропорта, и не отпускать. Но я просто сжал её руку чуть крепче, и этого было достаточно. Досмотр прошёл спокойно. Мы сняли обувь, выложили телефоны, прошли через рамку, собрали вещи. Kiladosha всё ещё немного волновалась, но уже не так сильно. Элара была в восторге: «Это как в кино! Как будто мы секретные агенты!» Потом мы пошли в зону ожидания. Kiladosha купила кофе, я — чай, Эларе — яблочный сок и маленькое печенье в форме дельфина. Мы сели у окна, откуда было видно, как самолёты выруливают на взлётную полосу, как мигают их огни, как они набирают скорость и отрываются от земли, становясь всё меньше и меньше, пока не превращаются в крошечные точки на фоне неба. — Смотри,

— сказала Kiladosha, указывая на один из них. — Вот так и мы скоро будем. Только наоборот. Мы будем становиться больше, пока не приземлимся. Элара задумалась, потом кивнула. — Да. И тогда мы сразу пойдём к морю. И я опущу ноги в воду. И посмотрю, какая там рыбка живёт. Настоящая, не плюшевая. Я улыбнулся. В этом была вся Элара: ей нужно было не просто увидеть море, а коснуться его, почувствовать, понять, что оно настоящее. Когда объявили посадку, Kiladosha встала, расправила плечи, будто собиралась в бой. Её ушки были подняты, хвост слегка распушён — она готовилась защищать своё, беречь своё, не дать никому испортить этот день. Мы пошли к выходу на посадку. Элара шла впереди, крепко держа рыбку, я шёл рядом с Kiladosha, иногда касаясь её локтя, чтобы она чувствовала: я тут, всё хорошо. На трапе было свежо, ветер гулял между металлическими перилами, пахло авиационным топливом и морем — да, именно морем, будто оно уже чувствовалось в воздухе, хотя до него были ещё сотни километров. Внутри самолёта всё было белым, чистым, аккуратным. Стюардесса улыбнулась, показала, где наши места. Мы сели: Kiladosha у окна, Элара посередине, я у прохода. Так было удобнее: Kiladosha могла смотреть на облака, Элара могла выглядывать то на маму, то на меня, а я мог следить, чтобы им было удобно, чтобы ничего не мешало, чтобы они чувствовали себя в безопасности. Стюардесса провела инструктаж. Элара слушала очень внимательно, будто от этого зависела судьба всего полёта. Когда

показали, как надевать кислородную маску, она тут же приложила свою игрушечную рыбку к лицу, будто учила её. — Так, рыбка, если что — дыши! Ты поняла? Мы снова рассмеялись, и этот смех прогнал последние остатки тревоги. Самолёт начал движение. Сначала медленно, потом всё быстрее. Двигатели загудели, пол под ногами мелко задрожал, будто самолёт тоже волновался, но старался не показывать этого. Kiladosha сжала подлокотники, её ушки прижались к голове, но она не отводила взгляда от окна. — Смотри, — прошептала она, когда земля начала уходить вниз. — Смотри, как город становится маленьким. Как будто кто-то взял и уменьшил его. Элара прильнула к стеклу, её глаза были огромными, полными восторга. — Мы летим! Мы правда летим! Выше домов! Выше деревьев! Выше всего! Я положил руку на её плечо, чувствуя, как она дрожит от возбуждения, и улыбнулся. Да. Мы летим. И это только начало. Когда самолёт вышел на эшелон, стюардесса предложила напитки. Элара выбрала сок, Kiladosha — воду, я — чай. Мы сидели, смотрели, как под нами плывут облака, похожие на огромные ватные острова, как солнце отражается в их краях, делая их золотистыми, как небо становится глубже, синее, бесконечнее. Kiladosha наконец расслабилась. Её плечи опустились, пальцы перестали сжимать подлокотники, а на лице появилась та самая улыбка, которую я так любил: лёгкая, счастливая, будто она наконец поверила, что всё будет хорошо. — Знаешь, — сказала она тихо, чтобы слышала только я, — я боялась.

Боялась, что что-то пойдёт не так. Что мы не сможем. Что я не смогу быть спокойной. Но сейчас... сейчас я чувствую, что мы делаем что-то правильное. Что это нужно было сделать. Нам троим. Я кивнул. — Да. Иногда самое важное — это просто поехать. Туда, где пахнет морем, где солнце светит ярче, где можно снять обувь и почувствовать песок под ногами. И сделать это вместе. Элара тем временем достала книжку про дельфинов, открыла её и начала читать вслух, немного запинаясь на длинных словах, но с таким увлечением, будто рассказывала нам самую важную историю в мире. А потом вдруг закрыла книжку, посмотрела на нас и сказала: — Когда мы прилетим, я хочу увидеть дельфина. Настоящего. Чтобы он прыгнул из воды и посмотрел на меня. И чтобы я могла помахать ему рукой, а он — мне. Kiladosha наклонилась, поцеловала её в макушку. — Ты его увидишь. Обязательно. Потому что в Сочи дельфины любят, когда им машут. Они знают, что это дети. А дети всегда верят в чудеса. Полёт длился несколько часов, но они пролетели незаметно. Мы разговаривали, смотрели в окно, пили напитки, ели маленькие сэндвичи, которые принесла стюардесса. Элара несколько раз вставала, ходила по проходу, держась за спинки кресел, будто училась ходить заново, в этом новом, летящем мире. Kiladosha смотрела на неё и улыбалась, а потом шептала мне: «Она такая смелая. Такая живая. Спасибо, что ты есть. Спасибо, что мы это делаем». Когда самолёт начал снижаться, Элара снова прильнула к окну. — Смотри! Горы! И мо-

ре! Оно синее! Как на картинке! Только настоящее! Под нами действительно раскинулись горы — серые, величественные, будто стражи города. А между ними и берегом тянулась полоса моря, переливающаяся всеми оттенками синего: от светлого, почти прозрачного у берега, до глубокого, почти фиолетового вдали. Посадка была мягкой. Самолёт коснулся полосы, зашуршали тормоза, двигатели взвыли в реверсе, и мы почувствовали, как скорость уходит, как мир снова становится твёрдым, надёжным, земным. Когда мы вышли из самолёта, воздух был другим. Тёплым, влажным, пахнущим солью, хвоей и чемто ещё, неуловимым, что бывает только на юге. Kiladosha глубоко вдохнула, закрыла глаза на секунду, будто хотела запомнить этот запах навсегда. — Вот он, — прошептала она. — Сочи. Элара уже бежала вперёд, таща за собой рыбку, которая, казалось, тоже радовалась, что наконец-то добралась до моря. — К морю! К морю! Я хочу видеть дельфинов! Мы шли за ней, смеялись, несли чемоданы, смотрели по сторонам. Город встречал нас пальмами, цветущими кустами, криками чаек, шумом машин, запахом жареных орехов и свежей выпечки. Всё здесь было живым, ярким, настоящим. Получив багаж, мы вышли на улицу, где нас уже ждало такси. Водитель помог загрузить вещи, улыбнулся: — Из аэропорта? Отлично. Сейчас домчим. По дороге покажу, где лучше всего мороженое есть. Машина поехала, и город поплыл за окном: улицы, парки, набережные, кафе, магазины, люди в летней одежде, дети с воздушными шарами, со-

баки, бегущие вдоль тротуаров, велосипеды, самокаты, всё это сливалось в один большой, радостный поток жизни. Элара не могла усидеть на месте. Она то и дело тыкала пальцем в стекло: «Смотри! Пальма! Смотри! Чайка! Смотри, папа, она летит, как самолёт!» Kiladosha сидела рядом, держала её за руку, улыбалась, иногда наклонялась ко мне и шептала: «Спасибо. За это. За всё». А я просто кивал, потому что слова были не нужны. Всё и так было понятно. Когда мы приехали в отель, было уже ближе к вечеру. Солнце садилось, окрашивая небо в розовые и золотые тона, а море становилось почти фиолетовым, таинственным, манящим. Мы поднялись в номер — светлый, просторный, с балконом, откуда открывался вид на море. Элара первой выбежала на балкон, подняла руки вверх и закричала: — Море! Я вижу море! И оно настоящее! И оно моё! Мы с Kiladosha переглянулись и рассмеялись. Да, оно настоящее. И оно теперь наше. На эти дни. На эти вечера. На эти рассветы. Пока мы распаковывали вещи, Элара не отходила от балкона. Она смотрела, как волны накатывают на берег, как пена разбегается по песку, как чайки кружат над водой, будто играют в какуюто свою, птичью игру. — Завтра мы пойдём на пляж, — пообещал я, подходя к ней, обнимая за плечи. — И ты сможешь опустить ноги в воду. И поискать ракушки. И, может быть, увидишь дельфина. Элара повернулась ко мне, её глаза сияли. — А ты будешь рядом? — Всегда, — сказал я твёрдо, потому что это была правда. — Я всегда буду рядом. И мама тоже.

Мы все вместе. Kiladosha подошла, встала с другой стороны, обняла нас обоих. Её хвост мягко обвился вокруг наших ног, будто хотел удержать этот момент, не дать ему ускользнуть. — Вместе, — прошептала она. — Это самое главное. Вечер опустился на город тихо, незаметно. Зажглись фонари, на набережной загорелись огоньки, море стало тёмным, но не страшным, а уютным, будто укрылось одеялом из сумерек. Мы стояли на балконе, смотрели, как город зажигает свои огни, как небо становится всё темнее, как появляются первые звёзды, и чувствовали, как уходит усталость дороги, как растворяются тревоги, как остаётся только это: тёплый воздух, запах моря, тихий смех Эллары, спокойное мурлыканье Kiladosha и понимание, что иногда счастье — это просто быть вместе. Там, где светит солнце, где шумит море, где горы хранят свои тайны, а впереди — целых несколько дней, наполненных маленькими чудесами. Так началась наша поездка в Сочи. И она обещала быть самой лучшей.

Глава 22 <милая мордочка Эллары>

Солнце уже стояло высоко, заливая пляж золотистым светом, и воздух был тёплым, но не душным — в нём чувствовалась лёгкая свежесть, которую приносил с моря ветер. Песок под ногами был ещё прохладным в тени, но стоило выйти на открытое солнце, как он тут же нагревался, приятно щекоча ступни. Волны накатывали на берег, шуршали, пенились и отступали, будто играли в какуюто бесконечную игру, которую никто не мог выиграть, да и не хотел. Мы стояли у самой кромки воды: я, Kiladosha и Элара. Элара подпрыгивала на месте, хвостик её вилял так быстро, что казался размытым пятном, а ушки то прижимались к голове от восторга, то снова вставали торчком, улавливая каждый новый звук — крик чайки, смех ребёнка неподалёку, плеск волны, шёпот ветра. В её глазах было столько предвкушения, столько чистой, незамутнённой радости, что на неё хотелось смотреть и смотреть, будто она излучала собственный свет. — Ну давай, давай, папа! — Элара потянула меня за руку, пальцы её были горячими, дрожащими от нетерпения. — Вода! Хочу в воду! Хочу почувствовать, как она обнимает! Kiladosha стояла чуть позади, осторожно пробуя воду ногой, будто проверяла, не слишком ли она холодная, не принесёт ли неприятностей. Её кошачьи ушки были насторожены, хвост пока-

чивался медленно, задумчиво, будто взвешивал все «за» и «против». — Подожди секунду, — мягко сказала она, наклоняясь к Эларе и касаясь её плеча, чтобы немного утихомирить этот вихрь эмоций. — Давай сначала проверим. Вода может быть прохладной. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя сразу бросило в дрожь? Элара на секунду замерла, будто действительно прислушалась к маминым словам, но потом снова подпрыгнула, не в силах удержать в себе эту энергию. — Я не боюсь! Я смелая! Я хочу нырнуть! Хочу увидеть рыбок! Хочу, чтобы вода была вокруг меня, как одеяло! Я улыбнулся, глядя на эту маленькую бурю. В ней было столько жизни, столько желания обнять весь мир, что даже само море, казалось, ждало именно её, чтобы раскрыться понастоящему. — Тогда давай сделаем так, — предложил я, присаживаясь на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. — Сначала просто зайдём по колено. Почувствуем воду. Если будет холодно — сразу выйдем. Если понравится — пойдём дальше. Договорились? Элара кивнула так энергично, что её хвостик сделал полный круг, а ушки подпрыгнули, как два маленьких флажка. — Договорились! По колено! Но потом сразу по пояс! И потом — нырну! Kiladosha тихо рассмеялась, и этот смех был таким тёплым, таким родным, что даже море будто стало чуть спокойнее, прислушиваясь к нему. — Ох, моя неугомонная, — прошептала она, наклоняясь и целуя Элару в макушку, в пушистые волосы, пахнущие солнцем и кокосовым кремом от загара. — Ладно. По колено.

Но если я скажу «стоп», ты слушаешься. Сразу. Без споров. Элара сделала серьёзное лицо, будто давала самую важную клятву в своей жизни. — Клянусь! Если скажешь «стоп», я сразу выйду! Но только если ты скажешь! Мы двинулись вперёд, шаг за шагом, осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрых камешках, которые прятались под тонким слоем песка. Первая волна коснулась ног — лёгкая, игривая, будто проверяла нас: «А вы правда хотите со мной играть?» Элара взвизгнула, но не от страха, а от восторга, и тут же сделала ещё один шаг, будто хотела доказать волне, что не боится. Вода поднялась до колен, потом чуть выше. Элара замерла на секунду, чувствуя, как прохладная вода обнимает ноги, как песок под ступнями чуть шевелится от движения волн. Её мордочка в этот момент была такой милой, такой сосредоточенной, что мне захотелось запомнить каждую чёрточку: как чуть нахмурились её брови, как округлились глаза, как приоткрылся рот, будто она пыталась уловить все ощущения сразу. — Она живая! — прошептала Элара, будто открыла величайшую тайну. — Вода живая! Она дышит! Она двигается! Она разговаривает! Kiladosha улыбнулась, теперь уже не сдерживаясь, и тоже шагнула вперёд, позволяя воде подняться до середины икр. Её ушки чуть дрогнули, улавливая новый звук — тот самый, который бывает, когда вода касается кожи, когда воздух смешивается с брызгами, когда мир становится чуть ярче. — Да, — тихо сказала она, глядя на Элару, будто видела в ней что-то большее, чем просто свою

дочь. — Она живая. И она рада, что ты пришла. Элара не выдержала и тут же шагнула дальше, вода поднялась до бёдер, и в этот момент она издала тихий, счастливый звук — что-то среднее между мурлыканьем и мяуканьем, какойто свой, особенный звук, который рождался только тогда, когда она была абсолютно счастлива. — Мяф! — сказала она, подпрыгивая на месте, отчего волна чуть сильнее плеснула ей в живот, и она снова взвизгнула, на этот раз смеясь. — Мяф! Вода! Вода меня любит! Этот «мяф» был таким искренним, таким непосредственным, что даже незнакомые люди на пляже оборачивались и улыбались, будто этот звук был маленьким подарком, который Элара раздавала всем вокруг. Я шагнул следом, чувствуя, как вода становится глубже, как она тянет за ноги, словно приглашая плыть. Kiladosha шла рядом, её хвост теперь не покачивался задумчиво, а тоже начал вилять, чутьчуть, едва заметно, но этого было достаточно, чтобы понять: она тоже поддалась этому волшебству, этому чувству, когда весь мир сужается до одного момента, до одной секунды, до одного счастливого «сейчас». Элара тем временем наклонилась, опустила ладони в воду, зачерпнула её и плеснула себе на лицо. Брызги разлетелись веером, поймали солнечный свет и на мгновение превратились в крошечные радуги. Она засмеялась, встряхнула головой, и капли полетели во все стороны, как маленькие искры счастья. — Смотри, папа! Смотри, мама! Я сделала радугу! Из воды! Из солнца! Из себя! Её мордочка в этот момент была настолько милой,

настолько наполненной жизнью и светом, что у меня в груди что-то сжалось от нежности, от любви, от желания защитить это счастье, удержать его, не дать ему исчезнуть ни на секунду. — Ты сделала, — подтвердил я, улыбаясь и наклоняясь, чтобы тоже плеснуть водой, но не на себя, а на песок рядом, чтобы брызги не попали ей в глаза. — И это самая красивая радуга, которую я когда-либо видел. Kiladosha подошла ближе, обняла Элору за плечи, притянула к себе, и они обе стояли так, мокрые, счастливые, смеющиеся, пока волны ласково обнимали их ноги. — Ты наша маленькая волшебница, — прошептала Kiladosha, уткнувшись носом в волосы Элоры, будто хотела запомнить этот запах, этот момент, эту секунду, когда всё было правильно, когда всё было на своих местах. Элора прижалась к маме, но тут же снова выпрямилась, глаза её горели, в них плясали солнечные зайчики, отражавшиеся от воды. — А теперь я хочу нырнуть! — заявила она, голос её звенел от возбуждения, от предвкушения чего-то нового, чего-то, что она ещё никогда не делала, но уже точно знала, что сможет. — Только ты, папа, держи меня! Держи крепко! Чтобы я знала, что ты не отпустишь! Я кивнул, чувствуя, как внутри разливается это тёплое, надёжное чувство — чувство, что я нужен, что от меня зависит её смелость, её уверенность, её способность шагнуть в неизвестность, зная, что кто-то обязательно удержит. — Держу, — сказал я твёрдо, опускаясь на колени в воду, чтобы быть на одном уровне с ней, чтобы она видела мои глаза, чтобы в

них не было ни тени сомнения. — Я держу. И я не отпущу. Никогда. Элара глубоко вдохнула, будто собиралась не просто нырнуть, а отправиться в великое путешествие, и закрыла глаза. — Раз... два... три! Она наклонилась вперёд, я подхватил её под спину, и мы вместе ушли под воду — на мгновение, на короткий, волшебный миг, когда весь мир исчез, остался только тёплый бок Элара, её доверчивое тело в моих руках, звук воды, приглушённый, мягкий, и свет, пробивавшийся сквозь толщу воды, превращая всё вокруг в золотистое, мерцающее пространство. Когда мы вынырнули, Элара закричала от восторга, отчихиваясь от капель, смеясь, трясая головой, и снова издала этот милый, неповторимый звук: — Мур... мяф! Я нырнула! Я видела под водой! Там всё другое! Там всё волшебное! Её мордочка была такой счастливой, такой живой, что казалось, будто она светится изнутри. Капли воды блестели на её ресницах, на носу, на щеках, и каждая из них отражала солнце, превращая её лицо в маленькую вселенную, полную света и радости. Kiladosha протянула руку, стёрла каплю с её носа, и улыбнулась той самой улыбкой, которая говорила больше любых слов: «Я так тебя люблю. Ты — моё чудо». — Ты видела, — подтвердила она, голос её был мягким, но в нём звучала гордость, такая глубокая, такая настоящая, что даже море, казалось, прислушивалось к этим словам. — И ты сделала это. Сама. С нашей помощью, но своими ногами, своим сердцем, своей смелостью. Элара кивнула, будто теперь это было не просто приключе-

ние, а важное достижение, которое нужно запомнить, сохранить, носить с собой, как медаль. — Теперь я могу всё! — заявила она, выпрямляясь, расправляя плечи, и в этом жесте было столько достоинства, столько уверенности, что мы с Kiladosha снова рассмеялись, не сдерживаясь, позволяя этому смеху разлететься над пляжем, смешаться с криками чак-ек, с шумом волн, с дыханием ветра. Потом мы ещё долго играли в воде: Элара пыталась «поймать» волну, Kiladosha осторожно заходила глубже, привыкая к ощущению, когда вода обнимает не только ноги, но и всё тело, а я стоял рядом, готовый в любой момент подхватить, поддержать, защитить. Мы плескались, строили маленькие плотины из песка и воды, наблюдали, как волны их разрушают, и тут же строили снова, будто эта бесконечная борьба с морем была самым важным делом на свете. В какойто момент Элара присела на корточки у самой воды, опустила ладошки в тёплую пену, и вдруг затихла, будто услышала чтото, чего не слышали мы. Её ушки встали торчком, хвостик замер, а на лице появилось то самое выражение, которое бывает у детей, когда они впервые понастоящему замечают красоту мира. — Слушайте, — прошептала она, голос её стал тихим, почти благоговейным. — Море поёт. Оно шепчет. Оно говорит: «Ты пришла. Я тебя ждало». Мы с Kiladosha переглянулись, и в наших взглядах было одно и то же: как же нам повезло, что мы можем видеть это, слышать это, быть частью этого. Kiladosha присела рядом с ней, тоже опустила руки в воду, закрыла глаза и

прислушалась. — Да, — прошептала она спустя мгновение, будто боялась спугнуть этот звук, это чувство. — Оно поёт. Для тебя. Потому что ты умеешь слушать. Элара снова издала тихий звук — то ли мурлыканье, то ли мяуканье, то ли просто выдох счастья, — и прижалась к маминому плечу, но тут же снова вскочила, полная энергии, готовая к новым открытиям. — А теперь хочу ракушку! Самую красивую! Чтобы она пела, как море! Чтобы я могла прижать её к уху и слышать этот шёпот всегда! Мы пошли вдоль берега, осторожно ступая по мокрым камням, заглядывая в каждую маленькую бухточку, которую оставляли отступающие волны. Kiladosha показывала Эларе, как отличить пустую ракушку от той, в которой ещё живёт маленький житель, как не пораниться об острые края, как бережно относиться к тому, что дарит море. И наконец Элара нашла её. Ракушка была небольшой, но удивительно красивой: спиральная, с тонкими перламутровыми переливами, с крошечными узорами, будто кто-то нарисовал на ней карту какого-то волшебного острова. Она подняла её обеими руками, как драгоценность, и прижала к уху. — Слышите? — прошептала она, глаза её были огромными, полными восторга. — Оно поёт! Оно правда поёт! Мы наклонились, приложили уши к ракушке, и действительно слышали этот тихий, далёкий шёпот — шум моря, который жил в этой маленькой раковине, как живёт эхо в пустой комнате. — Оно будет с тобой всегда, — сказала Kiladosha, глядя Элару по голове, по мокрым волосам, по ушкам, которые

теперь были расслаблены, прижаты к голове от счастья, а не от тревоги. — Куда бы ты ни пошла, если станет грустно, прижми её к уху, и ты услышишь, как море говорит: «Ты не одна. Ты любима. Ты нужна». Элара крепко прижала ракушку к груди, будто хотела, чтобы её тепло впиталось в кожу, в сердце, в каждую клеточку её существа. — Я буду беречь её, — пообещала она, голос её звучал серьёзно, повзрослому, но в нём всё ещё звенела детская радость, которая делала это обещание самым надёжным на свете. День медленно катился к вечеру. Солнце начало опускаться, окрашивая небо в розовые и золотые тона, а море стало темнеть, приобретая глубокий, насыщенный цвет, в котором отражались и облака, и чайки, и наши счастливые силуэты. Мы вышли из воды, чувствуя, как прохладный ветерок касается мокрой кожи, как песок прилипает к ногам, как солнце мягко греет спину. Элара бежала впереди, размахивая ракушкой, хвостик её снова вилял, ушки ловили каждый звук, а на лице застыла та самая милая, счастливая мордочка, которую хотелось запомнить навсегда. На пляже мы расстелили полотенце, Kiladosha достала из сумки фрукты и бутылку воды, мы сели, прижавшись друг к другу, и смотрели, как солнце медленно опускается за горизонт, как небо меняет цвета, как море становится то фиолетовым, то тёмносиним, то почти чёрным, но всё ещё живым, всё ещё поющим. Элара положила голову мне на плечо, прижимая к себе ракушку, и тихо мурлыкнула — этот звук был таким уютным, таким домаш-

ним, что казалось, будто весь мир наконецто нашёл своё место. — Это был самый лучший день, — прошептала она, уже чуть сонным голосом, когда солнце почти скрылось, оставив на небе только тонкую золотую полоску. — Самый лучший. Потому что мы были вместе. И море пело для меня. Я поцеловал её в макушку, чувствуя, как её тепло проникает в меня, согревает изнутри, прогоняет любые тени, любые страхи. — Да, — согласился я, глядя на Kiladosha, которая сидела рядом, обнимая нас обоих, и в её глазах отражались последние лучи заката. — Это был самый лучший день. И впереди у нас будет ещё много таких дней. Kiladosha наклонила голову, прижалась лбом к моему плечу, и её хвост мягко обвился вокруг наших ног, будто хотел удержать этот момент, не дать ему ускользнуть в прошлое. — Много, — подтвердила она тихо, и в этом слове было столько любви, столько надежды, столько веры в будущее, что даже тёмное море казалось теперь не пугающим, а уютным, знакомым, почти родным. Так закончился этот день — день, когда Элара подружилась с морем, когда она слышала его шёпот, когда она нашла свою волшебную ракушку, когда её милая мордочка светилась от счастья, а мы с Kiladosha поняли, что иногда самое большое чудо — это просто быть рядом, просто слушать, как ребёнок мурлычет от радости, и знать, что в этом мире есть место, где тебя любят, где тебя ждут, где даже море поёт специально для тебя.

Глава 23 <первый друг Эллары>

Солнце уже не жарило так неистово, как в середине дня, а светило мягко, подоброму, будто старалось не напугать, а просто согреть. Тени на пляже стали длиннее, вытянулись, как ленивые кошки, и легли поперёк песка, разделяя пляж на светлые и тёмные участки. Море дышало ровно, волны накатывали на берег не яростно, а ласково, будто хотели убаюкать всё вокруг. Мы с Kiladosha сидели на большом пляжном полотенце, расстеленном на тёплом песке. Kiladosha листила книжку с картинками про морских обитателей — она делала вид, что читает, но на самом деле всё время поглядывала на Элару, следила, чтобы та не ушла слишком далеко и не полезла туда, где вода глубже, чем по колено. Я рядом раскладывал камешки в причудливый узор: большие по краям, маленькие в центре, будто строил крошечный город для невидимых жителей. А Элара... Элара была везде сразу. Она бегала вдоль кромки воды, подпрыгивала, когда волна пыталась поймать её пятки, наклонялась, чтобы рассмотреть что-то в лужице, оставленной отливом, собирала ракушки и тут же их бросала, потому что находила другую, «ещё красивее». Её хвостик вилял, как пропеллер, ушки ловили каждый звук — и крик чайки, и смех детей неподалёку, и даже тихий шёпот ветра в прибрежных кустах. — Папа! Мама! Смотрите! — вдруг закричала она, подлетая к нам и размахивая чемто

маленьким и тёмным. — Я нашла! Я нашла его! Он сидел в ямке, и я его спасла! Мы подняли головы. Kiladosha тут же отложила книжку, я перестал выстраивать камешки. — Кого спасла? — спросил я, стараясь говорить спокойно, хотя сердце уже подпрыгнуло: с Эларой всегда случалось что-то неожиданное. Элара присела на корточки прямо перед нами, бережно разжала ладошки, и мы увидели... маленького крабика. Он был не больше монетки, тёмнокоричневый, почти сливался с песком, и сейчас он шевелил клешнями, будто пытался понять, что происходит и как ему поскорее сбежать обратно в море. — Он потерялся! — шепнула Элара, голос её дрожал от волнения и нежности одновременно. — Он сидел один, совсем один, и я подумала: а вдруг он плачет? Вдруг ему страшно? Kiladosha наклонилась, осторожно, чтобы не напугать крабика, и улыбнулась. — Ты права, малышка. Быть одному иногда очень страшно. Даже если ты маленький краб. Элара подняла на неё огромные глаза, в которых плескалась целая буря чувств. — Тогда он теперь мой друг! — решительно заявила она. — Я буду его защищать! И он не будет один! Я улыбнулся, глядя на эту картину: Элара с серьёзным видом охраняет крошечного краба, будто это не просто житель моря, а целый мир, который она обязана сберечь. — Хорошо, — кивнул я, стараясь сохранить серьёзное выражение лица, чтобы она поняла: я отношусь к её решению с уважением. — Но давай договоримся: друг должен быть в безопасности. А для него самое безопасное место —

в воде. Там, где живут другие крабы, где есть еда и где он знает дорогу домой. Элара на секунду задумалась, нахмурила брови, будто решала самую важную задачу в своей жизни. Потом медленно кивнула. — Да. Ты прав. Он должен быть с семьёй. Но... можно я сначала покажу ему наш пляж? Чтобы он знал, что тут есть я? И если он снова потеряется, он придёт ко мне? Kiladosha тихо рассмеялась, но смех её был не насмешливым, а тёплым, любящим. Она протянула руку, коснулась кончиками пальцев пушистого хвостика Элара, как будто хотела передать ей немного своего спокойствия. — Конечно, можно. Покажи ему. Расскажи, где тут самые тёплые места на песке, где волны самые добрые, где растут самые красивые ракушки. Пусть он запомнит. Элара тут же снова вскочила, держа ладошки с особой осторожностью, чтобы не тряхнуть и не уронить своего нового друга. — Смотри, — шептала она крабику, будто он мог её понять, — тут песок тёплый. Тут волны шепчут. Тут живут мама, папа и я. И если тебе станет грустно, ты можешь прийти сюда, и я тебя найду. Она повела его по пляжу, как ведут важного гостя по своим владениям. Показывала ямку, где песок был особенно мягким. Показывала место, где ракушки лежали кучкой, будто кто-то специально их туда сложил. Показывала полоску пены, которая осталась после волны, и говорила: «Это дорожка. По ней можно ходить, она мягкая, как плед». Крабик, конечно, ничего не понимал, но Элара говорила с ним так искренне, так нежно, что казалось, даже море прислушивается

к её словам. В какойто момент она остановилась у небольшой лужицы, оставшейся после отлива. Вода в ней была прозрачной, на дне виднелись песчинки, крошечные водоросли и ещё один крабик — совсем такой же, как её друг. — Ой! — прошептала Элара, прижимая ладошки к груди, забыв на секунду про того крабика, которого держала. — Там ещё один! Может, это его брат? Или папа? Или лучший друг? Она осторожно наклонилась и опустила своего крабика в лужицу. Тот тут же замер, будто не верил своему счастью, а потом рванул вперёд, прямо к другому крабу. Они встретились посреди лужицы, коснулись клешнями — и Элара радостно засмеялась. — Они узнали друг друга! — закричала она, подпрыгивая на месте так, что её хвостик сделал полный круг в воздухе. — Они друзья! Теперь он не один! Kiladosha встала, подошла к ней, присела рядом и обняла за плечи. — Ты сделала очень доброе дело, — тихо сказала она, целуя Элару в макушку. — Ты не просто спасла его. Ты показала ему, что мир не такой страшный, если рядом есть ктото, кто хочет помочь. Элара прижалась к маме, потом снова посмотрела на лужицу. Крабики уже не стояли на месте, а ползли кудато вместе, будто обсуждали важные дела. — А можно... можно я буду приходить сюда и смотреть, как они живут? — спросила Элара, чуть понизив голос, будто боялась, что если скажет громко, волшебство исчезнет. Я подошёл, сел с другой стороны, положил руку ей на плечо. — Можно, — кивнул я. — Мы будем приходить. И будем смотреть. И если ты уви-

дишь кого-то, кому одиноко или страшно, ты снова сможешь помочь. Потому что у тебя доброе сердце. Элара помолчала, глядя, как лужица медленно уменьшается, как вода уходит обратно в море, забирая с собой её новых друзей. Потом она вздохнула, но это был не грустный вздох, а вздох человека, который сделал важное дело и теперь готов к новым приключениям. — Я буду помнить их, — прошептала она, будто давала клятву. — И я буду искать тех, кому нужна помощь. Kiladosha улыбнулась, встала, потянула нас за собой. — А теперь давайте найдём что-нибудь вкусное. Мороженое? Вафли? Или, может быть, горячий лимонад, чтобы смыть с себя соль? Элара снова подпрыгнула, но уже не так, как раньше. В её движениях появилась какая-то новая уверенность, будто она теперь знала: она не просто девочка на пляже. Она — та, кто спасает крабов, кто показывает им дорогу домой, кто не даёт им быть одинокими. Мы пошли вдоль берега, туда, где стояли пляжные кафе, где пахло свежей выпечкой и жареными орешками, где люди смеялись, дети кричали, а музыка из динамиков смешивалась с шумом волн. Элара шла впереди, хвостик её теперь вилял не хаотично, а гордо, будто флаг, который говорит: «Я здесь. Я что-то сделала. И это было важно». Вдруг она резко остановилась. Впереди, у самой кромки воды, сидел мальчик. Он был чуть старше Элара, может, лет на пять, в синей футболке и шортах, с растрёпанными волосами, которые трепал ветер. Перед ним лежала кучка камешков, и он старательно выкладывал из них что-то вроде

крепости. Рядом валялась игрушечная лодка, которую волны то подтаскивали ближе, то уносили обратно. Мальчик поднял голову, увидел Элору, замер на секунду, будто не знал, стоит ли улыбаться или лучше сделать вид, что он никого не заметил. Элора тоже замерла. Потом её ушки чуть дрогнули, она посмотрела на нас, будто спрашивая разрешения: «Можно? Можно я подойду?» Я кивнул, едва заметно, но она увидела. И этого было достаточно. Она подошла к мальчику, остановилась в шаге от него, чуть наклонила голову, как делала всегда, когда хотела казаться дружелюбной, а не пугающей. — Привет, — сказала она тихо, но уверенно, без прежней суеты, будто знала, что сейчас важно говорить спокойно. — Ты строишь крепость? Мальчик помолчал, будто проверял, не дразнит ли она его. Потом кивнул. — Ага. Для лодки. Чтобы волны её не унесли. Элора присела на корточки рядом с ним, осторожно, будто боялась спугнуть. — А я сегодня спасла краба. Он сидел один в ямке. А потом я нашла ему друга. Теперь они вместе. Мальчик снова помолчал. Потом вдруг улыбнулся — не широко, но искренне, как улыбаются, когда понимают, что перед ними не враг, а кто-то, кто тоже любит придумывать истории. — Круто, — сказал он, подвигая к ней горстку камешков. — Хочешь помочь с крепостью? Тут не хватает стены с этой стороны. Волны всё время её ломают. Элора посмотрела на нас. В её глазах читался вопрос: «Правда? Можно?» Kiladosha мягко кивнула, будто говорила: «Иди. Ты справишься». Я просто улыбнул-

ся и прошептал: — Иди. И помни: ты умеешь делать мир добрее. Элара повернулась к мальчику, протянула руку к камешкам и сказала: — Давай сделаем стену очень крепкой. Чтобы никакая волна не сломала. Они начали строить. Элара рассказывала про крабов, про то, как море шепчет, про ракушку, которая поёт, если её приложить к уху. Мальчик слушал, иногда кивал, иногда вставлял свои истории — про то, как он однажды видел дельфина совсем близко, про то, как его папа учил его бросать камешки так, чтобы они прыгали по воде. Мы с Kiladosha отошли чуть дальше, сели на полотенце, смотрели, как они строят крепость, как смеются, когда волна всётаки смывает кусочек стены, и тут же начинают строить заново. — Она растёт, — тихо сказала Kiladosha, глядя на Элару с такой любовью, что у меня в груди стало тепло и спокойно одновременно. — Не просто становится старше. А становится собой. Доброй. Смелой. Умеющей видеть тех, кому нужна помощь, и не проходить мимо. Я взял её за руку, переплёл пальцы. — Да. И у неё есть мы. Чтобы она знала: если станет страшно или грустно, если новый друг вдруг обидит или не поймёт, мы тут. Мы всегда тут. Kiladosha прислонилась ко мне плечом, будто искала опору и одновременно давала её. — Всегда, — прошептала она. Солнце опускалось всё ниже, небо наливалось розовым и золотым, а море становилось тёмносиним, почти фиолетовым. Дети всё строили и строили свою крепость, уже не замечая, что песок липнет к пальцам, что волосы растрепались от вет-

ра, что на футболках остались следы соли. Для них сейчас существовала только эта маленькая крепость, эти камешки, эта общая история, которую они складывали слово за словом, камешек за камешком. Когда солнце почти скрылось за горизонтом, оставив на небе тонкую золотую полоску, мальчик вдруг сказал: — Завтра я опять приду. Если хочешь, можем построить маяк. Чтобы лодка точно не потерялась. Элара замерла, будто боялась поверить в это счастье. Потом широко улыбнулась. — Хочу! Я принесу ракушку. Она будет фонарём. Она поёт, но, может быть, если её поставить на маяк, она будет светить. Мальчик рассмеялся, и этот смех был таким простым, таким настоящим, что даже взрослые на пляже невольно улыбнулись, услышав его. — Ладно. Пусть будет фонарём. Они ещё немного посидели, глядя, как последние лучи солнца играют на волнах, потом мальчик встал, помахал Эларе рукой и пошёл к своему отцу, который стоял неподалёку и наблюдал за ними, улыбаясь. — До завтра! — крикнул он. — До завтра! — ответила Элара, и в этом крике было столько радости, столько предвкушения, что казалось, будто завтрашний день уже светит ярче, чем сегодняшний. Мы подошли к ней, обняли с двух сторон. Её хвостик обвился вокруг наших ног, ушки прижались к голове от счастья, а на лице застыла та самая милая, светлая улыбка, которую хотелось запомнить навсегда. — У тебя теперь есть друг, — сказала Kiladosha, глядя её по волосам, по ушкам, по спине, будто хотела убедиться, что она настоящая, что это всё про-

исходит на самом деле. Элара кивнула, прижимаясь к нам, будто хотела удержать это чувство, этот вечер, этот день, когда она спасла краба и нашла мальчика, который не побоялся с ней заговорить. — Да, — прошептала она. — И я рада. Очень-очень рада. Мы шли по пляжу обратно к отелю, держа Элару за руки, а она шла между нами, не отпуская ни меня, ни Kiladosha, будто боялась, что если отпустит, волшебство исчезнет. Но волшебство не исчезало. Оно оставалось в её глазах, в её улыбке, в том, как она шептала себе под нос: «Завтра мы построим маяк. И ракушка будет фонарём». Вечер накрыл город мягким покрывалом сумерек, зажглись фонари, на набережной загорелись огоньки, море стало тёмным и таинственным, но уже не пугающим, а уютным, будто говорило: «Я тут. Я берегу ваши истории. Я помню каждого краба и каждого ребёнка, который строил крепость из камешков». Так закончился этот день — день, когда Элара узнала, что дружба начинается с простого «привет», с желания помочь, с умения увидеть того, кому одиноко. И она сделала этот мир чуть добрее, просто потому что была собой: искренней, смелой, доброй и бесконечно милой. И впереди её ждало ещё столько дней, столько рассветов, столько новых друзей и историй, что даже море, казалось, улыбалось, глядя на неё, и шептало: «Иди вперёд. Ты всё делаешь правильно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.